

Перестройка и императивы XXI века (Неизбежность перемен и риски прорывов к будущему)

Введение

С избрания генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева в марте 1985 года в истории нашей страны начался короткий, но насыщенный бурными событиями эпизод, получивший наименование перестройки. Вспомнить о нем, актуализировать преподанные им уроки важно не только потому, что миновала знаменательная круглая дата - четверть века с ее начала. И не только потому, что пришло, наконец, время окончательно очистить историческую правду об этом событии от наносов мусора, пригнанных к его подножью ветром политических интриг и злопыхательств. Это, в не меньшей мере, важно потому, что перестройка, несмотря на ее трагическое удушение, с особой силой продемонстрировала, как современникам, так и последующим поколениям, опыт героического штурма устаревших общественных структур – штурма, объективно назревшего в мире, созревшем для перемен.

Взгляд на перестройку, брошенный с сегодняшних позиций, убеждает, что она относится к числу тех редких вех, которые издавна определяли ход и направление исторического потока. Разумеется, каждый вправе относиться к ней по-своему. Можно, конечно, скрупулезно рассматривать все ее изгибы и повороты, выискивая недоработки и просчеты. И, тем не менее... С позиций сегодняшнего дня наиболее важно не только детальное описание конкретных событий прошлого, но и анализ неразрывности исторического процесса, особенностей его развития, формирующего на каждом этапе новые вызовы, требующие для своего решения иной методологии, иных решений, иных общественных институтов.

Нельзя не констатировать, что мир после перестройки стал иным, в большей мере отвечающим объективным вызовам последней трети XX века. Разумеется, за прошедшие годы обстановка существенно изменилась. Мировое развитие породило немало новых проблем, возникло множество непредсказуемых прежде противоречий. При этом появились не только дополнительные трудности, но и значительные, несопоставимые с прошлым возможности.

И все же налицо глубинное сходство ситуаций. Оно определяется тем, что, как в прошлом, так и ныне, они в одинаковой степени ставят человечество перед необходимостью не только приспособления к произошедшим изменениям, но и создания условий, расчищающих пути для предстоящего движения вперед.

С позиций сегодняшнего дня предельно очевидно, что перестройка была порождена не только необходимостью решить набор острых проблем внутреннего положения и внешней политики страны, породивших в ней серьезные кризисные явления, но и ощущением потребности в переменах принципиального характера, обусловленной общей ситуацией, складывавшейся не только в стране, но во всем тогдашнем мире. Не случайно ее воздействие начало в кратчайшие сроки сказываться за пределами Советского Союза, а затем существенно изменило расстановку политических сил на обширных территориях земного шара.

Потребность в кардинальных переменах, хотя во многом нового типа, все очевиднее ощущается и в нынешних условиях, что неизбежно возрождает у многих людей воспоминания о перестройке - прежде всего как форме реакции на актуальные, жизненные проблемы, требующие своего разрешения. Не случайно сейчас во многих слывших еще недавно предельно благополучными странах то и дело заходит речь о необходимости для них своей перестройки.

Причины и предпосылки

Политический и социально-экономический строй, утвердившийся в России после Октябрьской революции, растеряв многие провозглашенные ею

ценности, со временем стал превращаться в чисто мобилизационную систему, ориентированную на форсированную модернизацию страны. В условиях кризисного развития, в чрезвычайных ситуациях (в ходе гражданской войны, при преодолении развала страны, вызванного разложением царского режима, осуществлении индустриализации, отражении фашистской агрессии) эта система демонстрировала эффективность. Однако вскоре после окончания Великой отечественной войны, в ходе последующего мирного развития эта эффективность стала резко убывать. Политические структуры мобилизационной системы пришли в противоречие с потребностями нового, более образованного, преимущественно городского общества, а экономика оказалась не в состоянии приспособиться к императивам очередного этапа научно-технической революции.

Уже в 50-х годах, сразу после смерти И.В.Сталина, в правящих кругах страны стало вызревать понимание необходимости перемен. Отсюда неоднократные попытки реформировать систему, наиболее масштабные из которых связаны с именами Н.С.Хрущева и А.Н.Косыгина. Если бы их попытки удались, то последующее развитие, скорее всего, приобрело бы сравнительно плавные очертания, и не привело бы в конечном итоге к ее краху. Однако реформы того времени захлебнулись. Старые и новые болезни общества не обнажались и, следовательно, не излечивались. Будучи загнанными вглубь, они лишь усугубляли ситуацию. Таким образом, и в данном случае история показала, насколько опасно для общественной системы игнорирование назревших проблем или недостаточная готовность (а иногда и способность) обеспечить их своевременное решение.

К началу 80-х годов кризисное состояние системы, проявлявшееся первоначально подспудно, вышло на поверхность. Это, в частности, признал Ю.В.Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС. Признание было сформулировано в осторожной форме, в виде утверждения, что мы «плохо знаем общество, в котором живем», содержавшегося в одной из его статей.

Ощущение, что общество нуждается в серьезных переменах, – зрело и в «низах», в самых разных группах населения.

В специальной литературе и в политической публицистике до сих пор представлена точка зрения, согласно которой решающим фактором, побудившим руководство страны приступить к перестройке, были экономические трудности. Утверждают, что к началу 80-х годов советская экономика находилась в преддверии развала. Причиной этого нередко называют груз гонки вооружений, обусловленной соревнованием за первенство с другой супердержавой – Соединенными Штатами. Это утверждение поныне используют противники России за рубежом, чтобы придать убедительность утвердившемуся там взгляду на перестройку как следствие поражения Советского Союза в «холодной войне» с «западным миром», и требующие обращаться с нынешней Россией соответствующим образом.

Действительно, экономическое положение Советского Союза к началу 80-х годов было, мягко говоря, непростым. Страна пришла к новому десятилетию в состоянии депрессии. Промышленный рост замедлился. Производственные мощности использовались неэффективно. Ненормально высокой оставались энергоемкость и ресурсоемкость выпускаемой продукции. Номенклатура производимых товаров не отвечала растущим потребностям общества. Их несоизмеримо высокую долю составляло военное производство. Качество выпускаемой продукции оставалось на низком уровне. Предприятия продолжали настойчиво отвергать новации, диктуемые научно-технической революцией. В результате росло отставание страны от развитых государств Запада.

При этом, однако, основные производственные механизмы продолжали худо-бедно работать. ВВП на душу населения был примерно в два раза выше, чем спустя многие годы, в преддверье XXI века.. В стране был накоплен большой научный задел и тем самым созданы предпосылки для экономического развития на современном уровне. При всем раздражающем дефиците ряда товаров структура и объем потребления многих изделий длительного

пользования и, особенно, продовольственных продуктов были благоприятнее, чем двадцать лет спустя. Системы образования, здравоохранения и социального обеспечения, несмотря на явные недостатки, в целом справлялись со своими задачами.

Груз, который взваливали на общество непомерно разросшиеся военные структуры, а также затраты на поддержание военного паритета с Соединенными Штатами, был, действительно, недопустимо тяжелым. Тем не менее, не это служило основной причиной трудностей, с которыми сталкивалась экономика. Главными были внутренние пороки системы. Ее ресурсы подходили к концу. Устои, на которых она зиждилась, не отвечали объективным потребностям и нуждались в замене. Необходимость резкого сокращения военных расходов, а, следовательно, прекращения «холодной войны» (если отвлечься пока от внешнеполитических аспектов проблемы) была производной от императивов преобразования основ экономического развития.

Вместе с тем, резервы, которыми располагала в то время советская экономика, хотя и находились на пределе, тем не менее, еще позволяли выдержать возросшие напряжения, может быть даже на десятилетия. Если бы не иные обстоятельства...

Главным среди них была социально-психологическая ситуация, определявшая политический климат. В послевоенные годы в стране наметился и перманентно нарастал разрыв между реальным положением дел и ожиданиями основной массы граждан. Политический кредит, которым на протяжении десятилетий располагала власть, основывался на идеологически фундированной вере населения в то, что серьезные тяготы, которые сопровождают его повседневное существование, преходящи, и что недалек тот час, когда настанут лучшие времена. Эта вера зиждилась не только на обещаниях и так называемых программных документах, но и на некоторых реальных актах социальной политики, которые воспринимались как свидетельство движения в обещанном направлении.

Однако чем дальше, тем яснее становилось, что будущее, с которым связывались грядущие улучшения, отодвигается все дальше и дальше. Это порождало разочарование, которое перерастало в отчуждение от власти, постепенно превращавшееся во враждебность к ней.

Размыванию идейно-психологических установок, а, следовательно, и политического кредита власти, способствовали (каждое по своему) многие события, происходившие в промежутке между пятидесятыми и восьмидесятыми годами:

- ставшие широко известными после XX съезда КПСС данные об инициированном И.В.Сталиным «большом терроре», прикрытые в те годы эвфемизмом «культ личности Сталина», а затем попытки реанимировать этот «культ», предпринятые в годы правления Л.И. Брежнева;

- использование советских войск для подавления восстания в Венгрии в 1956 году и Пражской весны в 1968 году;

- вмешательство Советского Союза во внутренние дела Афганистана, завершившееся длительным участием советских войск в военных операциях на территории этой страны;

- волна преследований и подавления инакомыслия, пик которой пришелся на 70-е - начало 80-х годов;

- появление, в связи с расширением туризма, возможности для более широких категорий населения сравнивать условия жизни в Советском Союзе и за рубежом и делать из этого соответствующие выводы;

- возрастающее неравенство в условиях жизни управленческого (номенклатурного) слоя, с одной стороны, и основной массы населения, с другой, основанное на разветвленной системе привилегий;

- перебои в снабжении населения ряда регионов мясными и молочными продуктами, вызванные преобладанием денежной массы над ее товарным эквивалентом и неудачными попытками сдержать инфляцию административным путем.

Крайне раздражающе действовала на общественное сознание замедлившаяся ротация руководящих кадров, оправдываемая необходимостью преемственности и стабильности политического курса. Обусловленное ею старение правящей верхушки, выходявшее за сколько-нибудь разумные рамки, превратило высшие органы власти в синклит геронтократов, терявших представление о реальных процессах в стране и мире.

В результате, у значительной части населения возникли серьезные сомнения в правильности избранного пути социально-экономического и политического развития, в адекватности проводимой внутренней и внешней политики провозглашаемым принципам, в способности правящего слоя успешно решать задачи, встающие перед страной в новых условиях. В качестве реакции на сложившуюся ситуацию, и, соответственно, на официальную точку зрения, в обществе стало складываться идеализированное представление о зарубежных (прежде всего, экономически развитых) странах как свободных от противоречий и проблем, как процветающих оазисах, следование примеру которых может стать залогом счастливого будущего.

Подобные настроения реализовались по-разному в зависимости от социального статуса, профессии, образовательного уровня и условий существования тех или иных граждан. Особенно остро реагировала на происходящее интеллигенция.

В 50 – 80-е годы ее удельный вес в Советском Союзе не только сравнился с удельным весом в наиболее развитых индустриальных странах Запада, но по ряду параметров превзошел его. Тем самым отношения интеллигенции и власти, весьма непростые еще до этого, получили мощный дополнительный импульс. С одной стороны, интеллигенция позитивно оценивала возможности социальной мобильности и профессиональной самореализации, возникшие в ходе модернизации советского общества. С другой – ее самоутверждение и творческая активность все интенсивнее входили в противоречие с растущей неэффективностью институтов управления, их низкой компетентностью и бюрократизмом, с демонстративным антиинтеллектуализмом власти.

Крайне болезненно воспринимались интеллигенцией или, по меньшей мере, ее подавляющей частью искусственно заниженный общественный статус, пренебрежительная оценка умственного труда как непроизводительного, его заведомо заниженная оплата, дискриминация при распределении общественных фондов и т.д.

Власть подкармливала отдельные группы интеллигенции, в активном сотрудничестве которых была особо заинтересована. Одновременно не столь очевидная как на первых этапах становления системы, но, тем не менее, достаточно определенная антиинтеллигентская направленность общего курса сохранялась. Интеллигенцию, воспринимаемую как источник потенциальной нестабильности, старались держать под неусыпным контролем. Это не могло не вызывать ответной реакции.

Вместе с тем усложнившаяся внутренняя структура интеллигенции не могла не породить разброса интересов, и на его основе – дифференциации общественных, а затем и политических позиций.

Для одной части определяющую ценность составляла имевшаяся возможность относительно стабильной творческой, профессиональной работы при жизненном уровне, который, не будучи высоким и не соответствуя трудовому вкладу, тем не менее, обеспечивал минимально необходимые потребности. На этом фоне очевидные недостатки общественной системы и конкретной политики воспринимались как нечто второстепенное, привходящее, поддающееся исправлению. Критическое отношение к политической системе, ее институтам и режиму не выходило за умеренные рамки и не было, по своей сути, разрушительным.

Однако по мере усиления кризиса системы и углубления ее внутренних противоречий, доминирующее влияние стала приобретать другая часть интеллигенции, для поведения которой определяющими стали негативные качества системы. Будучи общественно наиболее активной, она все интенсивнее отчуждалась от властных институтов, а в конечном итоге – от политической системы в целом.

Это отчуждение было тем глубже, чем существеннее становилась роль нефизического труда, фундаментальнее его значение как фактора благополучия и стабильности системы, и чем меньше считались с этим властные структуры. Перефразируя известное классическое выражение, можно сказать, что, создав новую интеллигенцию, расширив ее ряды и, тем самым, усилив ее роль в обществе, власть породила своего могильщика. Особенно очевидным это стало в тот момент, когда ослабили главные скрепы, до поры до времени обеспечивавшие функционирование системы.

Выразителями этих настроений стали первоначально крайне аморфное течение, получившее затем наименование «шестидесятников», а также маргинальные группы «диссидентов». Именно они и оказались на первоначальном этапе активными носителями идей перестройки.

Сложные процессы происходили в эти годы в рядах влиятельной категории административных, хозяйственных и партийных работников. В условиях всеобъемлющего партийно-государственного контроля над всеми сферами жизни, эта категория была не просто многочисленной, но и перманентно демонстрировала тенденцию к росту. Существенно трансформировалась ее структура. Увеличивался удельный вес той ее части, которая именовалась партийно-хозяйственным активом. Она все интенсивнее оттесняла на второй план политических «говорунов».

Менялись и личностные характеристики представителей этой группы. Место не очень грамотных функционеров, специалистов по руководству любой деятельностью, которое поручит «начальство», стали все активнее занимать получившие высшее образование «крепкие профессионалы» - «технари», не очень интересовавшиеся идеологией, но зато хорошо знавшие свое дело. Они ценили власть, способствовавшую их вертикальной социальной мобильности, но вместе с тем тяготились мелочной опекой партийных органов и проявляли недовольство бессмысленной централизацией и бюрократизацией управленческих решений. Одновременно в рядах этой группы росло стремление закрепить делегированные им властные функции, превратив их в отношения

собственности. Поэтому назревшие перемены трактовались, главным образом, как серия мер, способных повысить и затвердить приобретенный социальный статус, не разрушая основ сложившихся властных отношений.

Вместе с тем ряды управленцев всех типов все заметнее пополнялись представителями гуманитарной интеллигенции, необходимыми власти для придания внешнего лоска. Служа ей, они, вместе с тем, приносили во властные структуры ценности, установки и предпочтения, утвердившиеся в интеллигентской среде. Многие из них преследовали цели, отличавшиеся от тех, которые вынашивались в рядах партийно-хозяйственного актива. Немалую роль в их числе играло стремление очистить общественную систему от болезненных наростов, возродить ее ценностную основу, качественно повысить эффективность управленческих решений, реанимировать впавшую в летаргию систему обратной связи, преодолев тем самым отчуждение власти и народа. В этой среде и сформировался второй отряд активистов перестройки, который оказался затребованным с ее началом.

Нарастали противоречия и в сфере национальных отношений.

Официально в советские времена национальные проблемы в стране считались, в принципе, решенными. В действительности они, как и все другие, были загнаны вглубь, что делало их не менее, а более взрывоопасными.

Объективную основу этих проблем составляли особенности национальной структуры Советского Союза. Характерным для нее было не только национальное многообразие, но и очевидное – численное и, во многом, культурное, доминирование русского народа. Интернационализация общественной жизни реализовалась в Советском Союзе (и, тем более, в Российской Федерации) через приобщение многих населяющих его народов к русскому языку, русским культурным традициям, русскому менталитету.

В свою очередь, территориальная мобильность населения, обусловленная развитием производительных сил, происходившим особенно интенсивно на национальных окраинах, выступала, прежде всего, в виде

внедрения в прежде компактные национальные общности значительных потоков русских или русскоязычных поселенцев. Именно из них формировались основные отряды новых индустриальных работников и, прежде всего, костяк технической интеллигенции.

С точки зрения перспективы подобное развитие было, безусловно, позитивным. Вместе с тем оно создавало ситуацию, при которой национальные различия в ряде случаев выступали как социальные. Значительная часть управленческих кадров, гуманитарная интеллигенция рекрутировались, главным образом, из местного населения, жители индустриальных центров, занятые на производстве, были в основном русскими или русскоязычными. В этих условиях любое расхождение в интересах между социальными группами неизбежно приобретало национальный оттенок, а инстинктивное сопротивление бурным переменам в образе жизни, во многом диктуемым мировыми процессами – форму противостояния тому, что воспринималось как засилье русского языка, русской культуры, как целенаправленное русификаторство.

На это накладывались многочисленные субъективные обстоятельства. Негативную роль сыграла двойственная национальная политика, проводившаяся в СССР с момента его образования.

С одной стороны, был провозглашен и частично реализован курс на территориальное оформление самобытности национальных общностей. Это нашло выражение в вычленении так называемых титульных наций, в образовании различного вида автономий и в оснащении их многими квазигосударственными аксессуарами, в форсированной подготовке национальных культурных и управленческих кадров. Наличие таких национально-территориальных образований способствовало оформлению национальных чувств «титульного населения», его тяги к самоидентификации.

С другой стороны, содержание такой политики во многом сводилось на нет крайним унитаризмом в том, что касалось принятия

основополагающих политических и экономических решений, игнорированием специфических интересов национально оформленных территорий, а, в конце концов, и осознанной политикой, направленной на ускоренное слияние наций.

Наряду с этим искусственная иерархия национальных образований, ставшая, по сути дела, иерархией народов, обернулась многослойной системой психологического ущемления, при которой народ союзной республики ощущал свою второсортность в сравнении с русским, автономных республик – в сравнении с титульным народом союзной республики, а национальные меньшинства, не имевшие своего оформленного территориального ареала, по сравнению со всеми остальными.

В прямом противоречии с провозглашенными принципами национальной политики, с общепринятой нравственностью, с нормами международного права находились репрессии против целых народов, осуществленные в годы второй мировой войны, государственно инспирируемый антисемитизм и некоторые другие аналогичные действия властей.

Двойственную роль сыграла экономическая политика. Одним из ее важных стержней была имевшая свои основания ориентация на приоритетное индустриальное развитие национальных окраин. Эта ориентация приводила, с одной стороны, к форсированному разрушению традиционных укладов жизни местных национальных общностей (а, следовательно, стимулировала отталкивание от всего того, что шло «извне»), а с другой, – к ущемлению интересов российской «метрополии», жертвовавшей огромными ресурсами в пользу национальных республик. Отсюда восприятие этих республик значительной частью российского населения как тяжелого груза, избавление от которого даст реальные экономические выгоды.

Главным выразителем накопившихся национальных противоречий стала сложившаяся и выросшая в годы советской власти национальная

интеллигенция союзных и автономных республик. При этом складывавшиеся в ее рядах представления о том, как надлежит выглядеть назревшим переменам, были различны и касались отношений не только с центром, но и друг с другом. Пока сохранялась сильная центральная власть, эти представления не афишировались, а если и выражались, то в смягченной форме. Тем не менее, их подспудное давление на властные структуры становилось все более заметным.

Недовольство основной части народа оставалось в это время аморфным. Его наиболее рельефным выражением выступала отстраненность от власти. Большинство не было готово к активным акциями протеста, но и не проявляло намерения выступать в защиту «начальства» от тех, кто его атакует. Не было ясного целеполагания и у его активной части. Существовало представление о том, против чего следует бороться. Гораздо сложнее было с ответом на вопрос, чего следует добиваться? Тем не менее, уже в это время наметились первые признаки дифференциации движения за перемены на идейные течения, располагавшие специфической системой ценностей: обновительно-социалистическое, традиционалистско-националистическое и неолиберально-западническое.

Именно такой была ситуация в стране, когда на горизонте большой политики появилась яркая, неординарная фигура нового лидера – Михаила Сергеевича Горбачева.

Цели

История свидетельствует: когда люди в своем большинстве хотят изменений, на авансцену общественной жизни выходят лидеры, улавливающие и выражающие их чаяния. Так было и в данном случае.

Включение в состав высшего органа власти страны мало известного широкой публике первого секретаря Ставропольского крайкома с самого начала привлекло внимание ориентированной на перемены московской общественности. Симпатии к нему вызывало многое. И молодость, особенно

рельефная на фоне большинства «кремлевских старцев». И очевидная интеллигентность, столь редкая на достигнутом им уровне власти. И благожелательность по отношению к окружающим людям. И открытость по отношению к новой информации, которую он охотно воспринимал и осмысливал.

В пользу М.С.Горбачева говорил пройденный им жизненный путь. Выходец из «глубинки», из трудовых низов, хорошо знающий реальную жизнь за пределами московской кольцевой дороги. Выпускник Московского Государственного Университета, подготовившего его к самоидентификации в бурные годы, проникнутые духом XX съезда и «оттепели» времен Хрущева. Новый лидер, освоив все этажи партийно-управленческой структуры, знал не понаслышке все ее механизмы и проблемы.

Вскоре в кругах интеллигенции, в том числе за пределами Москвы, а также среди части сотрудников партийно-государственного аппарата, относивших себя к числу прогрессистов, М.С.Горбачева стали рассматривать как предпочтительного претендента на пост главы партии и государства, если таковой освободится. Эта точка зрения нашла распространение и среди более широкой общественности. Последующие годы способствовали ее упрочению. Поэтому переход в руки М.С.Горбачева решающих рычагов власти был встречен не просто одобрительно, но и во многом с ликованием. Весьма позитивно был воспринят и предложенный им курс.

Разумеется, разные слои и группы советского населения связывали с этим курсом свои особые интересы, иногда совпадавшие, но чаще всего не идентичные. Но это обнаружилось уже позже.

Критики перестройки поныне обвиняют ее инициатора в том, что, приступая к преобразованиям, от которых зависела судьба миллионов людей, он не подготовил детально разработанный план действий, расписывавший этапы преобразований и учитывавший совокупность их последствий. Если рассматривать эту критику не как заведомо пропагандистский («пиаровский») тезис, а как искреннюю позицию, то ответить на нее можно следующим

образом. На протяжении всей истории человечества не было ни одного сколько-нибудь серьезного, глубокого преобразования общественных структур и общественных систем, которое бы реализовалось в стиле иронически описанного Л.Н.Толстым менталитета австрийских генералов: «Ди эрсте колоне марширт, ди цвайте колоне марширт» и т.д.

В основе любого общественного потрясения, каким являются крупные преобразования, обычно лежит общая ценностная установка, которая модифицируется, дополняется или преображается в ходе стихийного творчества пришедших в движение масс. Содержание этого творчества не поддается детальному прогнозированию, даже если привлечь к нему астрологов. Как правило, элемент упорядочения в произошедшее приносят «постфактум» описывающие его историки.

Была ли у инициатора перестройки и его сподвижников ценностная установка? Безусловно. Отражая настроения, доминировавшие в обществе, она предполагала внесение в экономическую и общественно-политическую систему таких изменений, которые, сохранив все позитивное, что было достигнуто в прошедшие годы, избавили бы страну и ее население от описанных выше недугов, явившихся следствием исчерпания резервов и возможностей системы, а также перерождения власти. Отсюда популярные лозунги первых лет перестройки: «Больше демократии – больше социализма».

Конкретно речь шла о том, чтобы превратить советское общество в объединение свободных людей, построенное на принципах гуманизма, народовластия и социальной справедливости, основанное на разнообразии форм собственности, гарантирующих человеку положение хозяина и неограниченные возможности для проявления инициативы, обеспечивающее реальное равноправие всех наций и народностей, полноту прав человека, и вобравшее лучшие демократические завоевания человечества.

Что касается четкого представления о методах достижения цели, то его, действительно, не было и быть не могло. Оно созревало по мере движения по пути преобразований, решения возникавших проблем, преодоления

неожиданных препятствий, эволюции общественных настроений. Если первоначально предполагалось, что речь пойдет лишь о выправлении отдельных деформаций общественного организма, то затем стала очевидна необходимость радикальной переделки всего общественного здания - от экономического фундамента до надстройки.

Наиболее очевидной была программа действий во внешнеполитической сфере. Необходимо было срочно, не откладывая в долгий ящик, положить конец нарастанию международной напряженности и гонке вооружений, особенно в том, что касалось оружия массового уничтожения. Надо было налаживать испорченные в ходе «холодной войны» отношения с ведущими странами мира. Существовала острая необходимость обновления отношений с союзниками по Организации Варшавского Договора. Нуждались в коррективах отношения со многими государствами так называемого «третьего мира». По всем мыслимым разумным причинам было необходимо положить конец военной интервенции в Афганистане.

Для решения названных задач требовались обновленный взгляд на международную ситуацию, выдвижение новых, нетривиальных предложений, гибкость и готовность к компромиссам. Все это было в наличии (концепция «нового политического мышления»).

Сложнее обстояло дело с переменами во внутренней политике и экономике. Сложность накопившихся здесь проблем проявлялась постепенно, вслед за каждым очередным шагом, направленным на их решение. Тем не менее, общее направление движения было очевидным. В области политики предполагалось положить конец авторитарной форме правления и создать условия для реального народовластия. В области экономики - внедрить систему стимулов, которые бы гарантировали эффективное поступательное развитие народного хозяйства, обеспечив тем самым населению жизненный уровень, не уступающий тому, который сложился в наиболее развитых странах.

Достижения. Проблемы

Хотя обновление оказалось более сложным, чем это казалось вначале, за недолгий срок в стране произошли серьезные позитивные перемены.

Весьма показательна с этой точки зрения внешняя политика СССР. Она, как признано во всем мире, стала определяться принципами и критериями «нового политического мышления». В их числе были деидеологизация внешнеполитической практики и отказ от применения вооруженной силы как главного средства отстаивания национальных интересов, недопустимость вмешательства в дела других государств, уважение к их самостоятельности и особенностям, оптимальное сочетание внешней политики с моралью, использование личных контактов на высшем уровне как предпочтительного метода государственного общения и международных связей.

Большинство этих критериев не было «изобретением» Горбачева. Многие из них сложились исторически как квинтэссенция накопленного опыта и были, в той или иной степени, зафиксированы в общепризнанных документах и в международном праве. Новым было то, что в годы перестройки эти принципы и критерии не только признавались и провозглашались, но и были положены в основу практических действий.

Наиболее очевидным достижением политики «нового политического мышления» было прекращение «холодной войны» и переход от разорительной гонки вооружений к их существенному ограничению. В 1987 году был подписан Договор о РСМД - ракетах среднего и малого радиуса действия, первый договор о ядерном разоружении. Затем последовал ряд других соглашений, значительно сокративших нависшую над миром угрозу взаимного всеобщего уничтожения. Тем самым открылись новые возможности для расширения сотрудничества СССР с развитыми странами Запада.

Важнейшим пунктом внешнеполитического поворота стало изменение отношений с Соединенными Штатами. Оно было необходимо, чтобы снять угрозу ядерной войны, которая делала страну заложницей гонки вооружений,

ликвидировать губительное давление ВПК на экономику, политику, общественное сознание

В Европе стержень внешней политики, основанной на новом политическом мышлении, образовали усилия по преодолению болезненного раскола стран континента, вошедшие в историю международных отношений как установка на создание «общеевропейского дома». Первоначально эта установка была воспринята на Западе как риторический пассаж. Однако постепенно отношение стало меняться. Об этом свидетельствовали и изменение в лучшую сторону тональности серьезной западноевропейской прессы, и сдвиги в позиции собеседников Горбачева по переговорам.

Упоминания об «общеевропейском пространстве» и о Европе как общем доме стали появляться в международных документах. Кульминацией усилий в движении к «общеевропейскому дому» стала «Парижская хартия для новой Европы», принятая 21 ноября 1990 года на общеевропейском Совещании по безопасности и сотрудничеству. Хартия провозгласила готовность Европы к вступлению в эру демократии, мира и единства, наметила ориентиры на будущее. В ней было предусмотрено создание новых общеевропейских структур и институтов.

Качественно изменились к лучшему и двухсторонние отношения СССР с подавляющим большинством европейских стран, прежде всего с такими влиятельными государствами как Великобритания, Франция, Италия, Испания.

Важнейшую позитивную роль сыграло в эти годы принципиальное решение так называемого германского вопроса, сердцевину которого составляла проблема воссоединения Германии. Этому решению существенно препятствовало наличие двух, мягко говоря, недружественных германских государств, одно из которых – Германская Демократическая Республика было союзником Советского Союза, а другое – Федеративная республика Германия - членом противостоявшего СССР военного блока НАТО.. Немалую роль при поисках такого решения играло то, что многим советским людям, в том числе и занимавшим влиятельные посты, было нелегко изжить «антигерманский

синдром», порожденный прошедшей Отечественной войной с гитлеровской Германией.

Историческая заслуга Горбачева состояла, в частности, в том, что, несмотря на это, он сумел, преодолев все барьеры, придать советско-германским отношениям новое направление. В этом ему помогло мощное народное, демократическое движение за объединение Германии, приведшее к падению «берлинской стены». Соппротивление начавшемуся мощному объединительному процессу в обеих Германиях привело бы к тому, что воссоединение все равно бы состоялось, но вопреки и против СССР. А пойти навстречу воле германской нации и, минимизировав возможные потери, содействовать объединению, означало действовать в русле императивов истории.

В сложившихся непростых обстоятельствах, дополнительно отягощаемых как настроениями части населения СССР, так и опасениями влиятельных кругов Запада, пытавшихся помешать объединению Германии руками Советского Союза, Горбачев, действуя в духе «нового мышления», сумел избежать кризисного хода событий и найти мирное решение «германского вопроса» в интересах СССР, Германии и всей Европы. Тем самым была реализована единственно правильная историческая линия.

Позиция, занятая СССР в то время, была должным образом оценена немецким народом. Благодаря ей, Германию с полным основанием можно считать сейчас наиболее устойчивым партнером России на Западе, готовым к сотрудничеству с ней в самых разных сферах политики, экономики, культуры.

Внешняя политика перестройки дала сильный импульс позитивным связям со многими малыми странами Европы. Тем более, что сами они не раз выдвигали инициативы, направленные на нормализацию и улучшение межгосударственных отношений на европейском континенте. Позиции лидеров некоторых из этих стран (например, Финляндии) значительно помогли в проведении политики «нового мышления».

Новая политика, помогла распутать многие сложные узлы, накопившиеся в Азии. Без каких бы то ни было «разборок» существа и причин разногласий,

возникших в прошлом, были нормализованы отношения с Китаем. Окрепили и приобрели подлинно дружественную форму отношения с Индией, с рядом других стран третьего мира. Возросло влияние СССР на Латиноамериканском континенте.

Советский Союз отказался от «доктрины Брежнева», предусматривавшей его «право» на военную интервенцию в страны Варшавского Договора в случае идейно-политических расхождений с ними. Всем им была предоставлена возможность самим решать свою судьбу.

Правда, в полной мере реализовать принципы и критерии «нового политического мышления» не удалось. За шесть лет перестройки невозможно было до конца избавиться от всего наследия прошлого. Тем не менее, многое удалось сделать. СССР прорвал систему искусственной изоляции и занял на мировой арене влиятельное место уже не только благодаря своей вооруженной силе.

Разумеется, позитивные сдвиги в области внешней политики могли дать полноценные плоды лишь при условии сохранения Советского Союза. С его разрушением в декабре 1991 года многое из достигнутого было, практически, сведено на нет.

Серьезные позитивные шаги были сделаны в рамках перестройки по пути демократизации прежней авторитарной политической системы.

С первых же дней преобразований началось постепенное, но в то же время целенаправленное освобождение общества от жесткого контроля над средствами массовой информации («политика гласности»). Была ослаблена, а затем полностью отменена практика государственной цензуры. Соответственно было ликвидировано осуществлявшее ее ведомство - Главлит. Был положен конец монополии государственного агентства ТАСС над потоками информации, направляемой печатным органам, на радио и телевидение, минимизирован партийный надзор за принадлежавшей КПСС печатью. Затем все эти меры были юридически закреплены Законом о средствах массовой информации.

Шаг за шагом убирались и другие препятствия, ограничивавшие доступ к источникам информации. Полностью прекратилось глушение зарубежных радиостанций. Был облегчен доступ к зарубежной периодике и литературе. В частности, в библиотеках были закрыты так называемые спецхраны - особые отделы, в которых содержались книги и периодика, доступные лишь ограниченному кругу читателей. Существенно расширилось издание на русском языке переводной литературы. Поездки за рубеж, как и всесторонние контакты с иностранцами, стали доступны не только избранным, так называемым «выездным» - то есть прошедшим специальную проверку сравнительно немногочисленным лицам, но и основной массе граждан.

Серьезным преобразованием подверглась сама политическая система. С практикой «выборов без выбора», в рамках которой голосование рассматривалось лишь как демонстрация лояльности по отношению к власти, было покончено. В 1989 году, впервые за 70 с лишним лет, были проведены альтернативные выборы на Съезд народных депутатов СССР, а затем и в Верховные Советы РСФСР и других союзных республик. В новых парламентских структурах появилась влиятельная оппозиция.

Заседания законодательных органов стали в полном объеме транслироваться по радио и телевидению. Вся страна прильнула к телевизорам и приемникам, наблюдая за тем, как впервые за многие десятилетия, в процессе бурных дискуссий складывалась принципиально новая государственность. В политическую культуру советского общества властно вторглись забытые за многие годы такие понятия, как значимость свободных выборов, плюрализм мнений, диалоговый метод подготовки и принятия решений.

Претерпели качественные изменения отношения Советов и исполнительных органов власти. Первые стали приобретать черты институтов парламентского типа. Вторые стали подотчетными Советам, причем не формально, а по сути дела. Из Конституции СССР была изъята статья 6, предусматривавшая руководящую, по сути господствующую роль единственной существующей в стране партии – КПСС.

Иными словами, с общества был снят давивший его «намордник». Оно раскрепостилось духовно и политически. Политическая система страны, хотя и сохранила ряд ограничений, представлявших собой рудименты прошлого, приобрела все основания рассматриваться как демократическая.

Началось движение к многоукладной экономике. Были созданы предпосылки для развертывания экономической активности: узаконена экономическая свобода производителей, ослаблена внешнеторговая монополия, разрешено создание смешанных предприятий с участием иностранного капитала, начато внедрение рыночных принципов на принадлежащих государству крупных заводах, стимулировалось образование кооперативов, мелких и средних предприятий.

Сделано было, разумеется, далеко не все из того, что требовала жизнь. Однако было положено позитивное начало и определено направление дальнейшего развития.

Естественно, что столь сложный процесс преобразований, каким была перестройка, не мог обойтись без ошибок и прочетов. Одни из них были исправлены по ходу дела. Другие, более существенные, негативно сказались на ходе перестройки.

Не возникли эффективные политические и гражданские общественные структуры, способные активно отстаивать и защищать перемены. Не было до конца завершено обновление кадров. В результате перестройка во многих случаях оказывалась в руках внутренне враждебных ей людей. А противодействие им было sporadическим и, как правило, мало результативным.

Не было в полной мере учтено, что внедрение рыночных отношений может дать позитивные результаты лишь в том случае, если оно сопровождается опережающим созданием правового каркаса, регулирующего поведение, права и обязанности сторон, действующих на рынке. Поэтому вместо упорядоченных рыночных отношений страна столкнулась с наметившейся, а затем и углубившейся хозяйственной войной «всех против всех» с сильным криминальным уклоном.

Глубинные реформы могут рассчитывать на массовую поддержку лишь в том случае, если популярные лозунги, даже самые насущные и благородные, сопровождаются - пусть минимальным, но, тем не менее, заметным - улучшением материальных условий существования большинства народа. В противном случае основанный на них курс будет неизбежно восприниматься основной массой граждан как болтовня или заведомый обман. Между тем, наиболее важные шаги в этом направлении были предприняты с опозданием и не дали ожидаемого эффекта. Не получила должного развития система производственной кооперации, выродившаяся в примитивный способ паразитического использования резервов государственной промышленности. Застрял на начальном, преимущественно распределительном уровне малый бизнес.

Не было в полной мере учтено, что глубинное преобразование экономики требует особых, в ряде случаев чрезвычайных мер по удержанию стабильности финансовой системы. Между тем прежняя модель этой стабильности, основанная на жестком делении денежной массы на наличную и безналичную, была разрушена, а новая – не создана. Через образовавшиеся дыры, позволявшие беспрепятственно превращать безналичные деньги в наличные, хлынул мощный поток бумажных «дензнаков», буквально сметавший находившиеся в продаже товары. В результате возник острый дефицит жизненно необходимых продуктов. Разбалансирование рынков ударило по условиям существования миллионов людей и породило волну недовольства, которое сказалось на отношении к перестройке. Первоначальный энтузиазм начал сменяться разочарованием.

Управленческие структуры, ответственные за решение возникшей проблемы, неоднократно проявляли профессиональную некомпетентность. Свидетельством этого была, например, так называемая «павловская денежная реформа» (по имени тогдашнего председателя Совета Министров В.Павлова). Предпринятый им принудительный обмен сторублевых купюр не дал никаких результатов и лишь спровоцировал глубокое раздражение граждан.

Не была в полной мере оценена острота существующих в обществе противоречий, и, прежде всего, межнациональных. Между тем их воздействие на ход событий становилось все заметней. Накопившиеся национальные проблемы, о которых уже шла речь выше, выступили на поверхность.

Стимулированию этого процесса способствовал массовый переход на националистические позиции номенклатурной верхушки ряда союзных и автономных республик, пытавшейся реализовать, таким образом, свои корпоративные интересы. Еще раньше, в годы «застоя» ее формальный интернационализм служил, по сути дела, лишь ширмой для национально-эгоистических установок. Поэтому крах прежней идеологической модели, сопровождавший кризис общественной системы, создал в этой среде не абсолютный вакуум, как это иногда полагают, но вывел на поверхность уже сформировавшиеся блоки националистически ориентированного сознания. В результате бывшие секретари ЦК и обкомов без всяких «внутренних переживаний и угрызений совести легко превращались в крайних националистов.

Сказанное выше – следствие и просчетов руководства. Но были не менее серьезные ошибки, ответственность за которые надлежит принять на себя той социальной группе, которая первоначально была и некоторое время оставалась основным носителем идей перестройки - интеллигенции и, прежде всего, журналистов и представителей гуманитарных профессий..

Поддержав перестройку, интеллигенция практически получила все то, к чему стремилась в ее преддверии: признание высокой значимости умственного труда, становление демократических институтов и процедур, возможность реального участия в политической жизни общества, доступ ко всем достижениям зарубежной культуры, свободу творчества, возможность выезда за пределы страны и поддержания деловых и личных контактов за рубежом.

Для наиболее амбициозных и политически активных интеллектуалов открылись беспрецедентные возможности карьерного взлета. Средней руки адвокаты, пользуясь профессиональным умением «говорить красиво»,

превращались в публичных политических деятелей высшего эшелона. Начинаящие публицисты и рядовые телерепортеры стали восприниматься обществом как светочи ума, своего рода идеологические «гуру». Сотрудники научно-исследовательских институтов, не очень знакомые с реальными проблемами общества и не имевшие опыта руководства людьми, становились заместителями министров, министрами, а иногда и вице-премьерами. Все они охотно именовали себя «прорабами перестройки», соревнуясь за право претендовать на непосредственное участие в подготовке популярных решений.

Однако прошло время, и ситуация изменилась. По мере углубления перестройки и нарастания связанных с этим противоречий влиятельные группы интеллектуалов начали проявлять по отношению к ней сначала сдержанность, а затем и враждебность. Действия руководства страны стали мишенью нападок, а команда, осуществлявшая перестройку, подверглась поношениям – одно другого хлеще. Для дискредитации политики перестройки в массах широко использовалась обретенная благодаря ей свобода слова и печати.

Внешне главной причиной недовольства выступали замедленные, с точки зрения критиков, темпы проведения перестройки, осторожность, проявляемая руководством при решении вопросов, взвешенная оценка им пределов возможного и вытекавшая из нее склонность к компромиссам с силами, отстаивавшими старые порядки. Отсюда главная направленность исходившего из этих кругов требования: *скорее, энергичнее, радикальней*.

Было бы неверным отрицать, что в критических требованиях, названных выше, содержалось и рациональное начало. В чем-то они были даже полезны, ибо помогали руководству преодолевать сопротивление консервативной части управленческого аппарата. И многие из тех, кто поддерживал эти требования, были движимы искренними побуждениями.

Однако в целом позиция, с которой велись эти атаки на перестройку, была деструктивной. Дело не только в том, что их организаторы игнорировали «коридор возможностей» - объективные ограничители, с которыми нельзя было не считаться, в частности, то, что перемены осуществлялись в непрерывной

борьбе людей, взглядов и позиций и внутри партийного и государственного руководства, и среди партийных масс, и в обществе в целом.. Как показал последующий ход событий, в основе их позиции лежало вовсе не стремление ускорить начатый процесс преобразований, придать ему большую эффективность, уберечь от ошибок и извращений. Речь шла о совсем другом. О намерении противопоставить политике перестройки принципиально иную модель, представлявшую собой кальку с общественных отношений раннего капитализма, давно отвергнутых и преодоленных в экономически развитых странах.

В это же время, и несколько позже, получил распространение другой критический тезис, противоположный призыву *скорее, энергичней, радикальней* и отражавший растущие опасения, что демонтаж прежних управленческих структур принесет в страну разрушения и хаос. Он отражал отрицательное отношение к тому, что характеризовалось как неоправданная поспешность с проведением политических реформ еще до того, как экономические преобразования дали реальные, позитивные результаты. Указывалось, что такая поспешность открывает широкую дорогу политическим спекулянтам. При этом широко использовались ссылки на опыт преобразований в Китае.

Чисто теоретически с высказываемыми в этой связи соображениями можно было бы и согласиться. Вместе с тем, они, осознано или нет, но представляли настроения тех, кто, по той или иной причине, выступал за сохранение в стране автократическо-бюрократических порядков.

Немалую роль играло и то, что против подобных соображений работали многие обстоятельства, диктуемые обстановкой.

Во-первых, практика первых лет перестройки убедительно показала, что существовавшая административно-бюрократическая машина последовательно отторгает все попытки модернизировать экономическую систему. А заменить эту машину можно было, только преобразовав политические институты. Во-вторых, сохранение прежней административно-бюрократической машины в условиях возраставшего сопротивления переменам делало все более актуальной

угрозу политического переворота, который бы отбросил страну к новой несвободе. В-третьих, пришедшие в движение массы требовали, прежде всего, политических изменений, способных освободить страну от номенклатурного произвола. Медлить с этими изменениями – значило вступить в конфликт с настроениями, утвердившимися в обществе, тем более, что эти настроения всячески подогревались активистами-интеллектуалами.

Глубинные причины эволюции части первоначальных сторонников перестройки, ставших ее радикальными критиками, выявлены пока не в полной мере. Однако некоторые из них очевидны. Это – нетерпение и радикальность, порожденные негативным опытом прошедших десятилетий, совокупность личностных обид, стимулировавших стремление «разнести вдребезги» все связанное с прошлым, невзирая на последствия подобных действий. Это – влияние корпоративистских настроений, ориентированных не на общее благо, как у интеллигенции в прошлом, а исключительно на потребности своего слоя, и получивших широкое распространение в процессе превращения интеллигенции в массовую социальную группу. Это – обусловленное длительной изоляцией плохое, преимущественно книжное знание реалий зарубежного образа жизни, особенностей тамошнего социального устройства и свойственных ему противоречий.

Несколько лет спустя позиция в отношении перестройки, занятая многими представителями интеллигенции, обернулась для нее катастрофой, тяжелые последствия которой ощущаются и ныне.

Своеобразные перемены в отношении к перестройке происходили и в административных и партийно-хозяйственных структурах. В результате расслоения занятой в них служилой массы сложились три антагонистические группы. Одна (составлявшая меньшинство) объединяла людей, сохранивших верность первоначальным ценностям перестройки и готовых последовательно ее поддерживать. Вторая (более многочисленная) продолжала отстаивать фундаменталистские позиции, в принципе отвергая перестройку и добиваясь восстановления прежних, привычных порядков. Третья (тоже многочисленная)

рассматривала происходившее не как движение к оздоровлению и демократизации общества, а как ситуацию, открывающую возможности быстрого карьерного роста, укрепления достигнутых статусных позиций, сублимации властных полномочий в собственность. Соответственно, ее интересовала перестройка, но не та, которая проводилась реально, а другая, переведенная на капиталистические рельсы.

Со временем эта группа вступила в партнерские отношения с частью интеллигенции во имя совместного похода против той перестройки, которая была неразрывно связана с именем М.С.Горбачева. Своего рода символом таких отношений стало избрание сопредседателями Межрегиональной группы депутатов Верховного Совета СССР, ставшей стержнем сил, оппозиционных руководству перестройки, таких несопоставимых и несоизмеримых фигур как выдающийся ученый, демократ, интеллектуал высшей пробы академик А.Д. Сахаров и грубый, деспотичный партийный аппаратчик наихудшего провинциального разлива – Б.Н. Ельцин.

Последующий ход событий хорошо известен. Все более жесткое сопротивление фундаменталистского крыла партийно-административной бюрократии политике перестройки. Атаки на нее с формально-демократических позиций части интеллигенции, негласно поддержанной партийно-хозяйственным активом второго эшелона. Попытка государственного переворота, предпринятая группой фундаменталистов из высших эшелонов власти в августе 1991 года. Массовые выступления по всей стране против путчистов. Приход к власти на этой волне Б.Н.Ельцина и его команды, в которой заправляли сторонники примитивного капитализма. Овладение властными позициями на местах партийно-хозяйственной номенклатурой второго эшелона.

Так началось удушение перестройки. Окончательный штрих под ней был подведен развалом СССР, инициированным тем же Ельциным и его единомышленниками.

Постперестройка

Первоначально произошедшие перемены были восприняты большинством граждан как более решительный курс на продолжение перестройки. Это впечатление, паразитируя на распространенных настроениях и недовольстве Горбачевым, подпитывали на первых порах и новые власти. В действительности речь шла не о продолжении, а о «перестройке перестройки».

Ценностные ориентации, из которых исходил курс, предложенный стране новой командой после трагических событий 1991 года, принципиально отличались от главных ценностей перестройки.

Перестройка предполагала реформирование существовавшей общественной системы. Постперестройка ставила целью ее уничтожение.

Перестройка была ориентирована на эволюционный путь развития страны. Постперестройка – на экстремистские методы преобразований.

Движущим стимулом перестройки было стремление к достижению всеобщего блага на базе социальной справедливости. Постперестройка была рассчитана на блага для немногих – не обремененных «излишней моралью», хватких, деловых и бесцеремонных.

Экономическая программа перестройки предполагала развитие народного хозяйства на базе множественности форм собственности: кооперативной, частной, муниципальной, государственной. Их состязание и взаимодействие было бы стимулом интенсификации производства, широкого использования достижений научно-технической революции и повышения производительности труда. В рамках постперестройки был принят курс на установление монополии частной собственности на природные ресурсы и средства производства. В этом, по сути дела, и заключался смысл приватизации, в ходе которой была раздарено и разграблено накопленное за многие десятилетия общественное добро. В результате сложилась экономическая система, при которой основные богатства страны сосредоточены в руках высшей бюрократии, с одной стороны, и крупнейших финансово-промышленных олигархов, с другой.

Перестройка была направлена на демократическую реформу, то есть на реальную демократизацию всех общественных отношений, в том числе политической системы. Для постперестройки демократия оставалась лишь ширмой, необходимой лишь в той мере, в какой помогала удерживать власть и сохранить образ режима, приемлемый для Запада.

Перестройка предполагала сохранение Советского Союза как обновленного и добровольного содружества свободных республик. Постперестройке была свойственна откровенная враждебность к СССР, который рассматривался как отжившая свой век империя. Поэтому его разрушение должно было, якобы, послужить процветанию России. Отсюда осознанные действия, направленные на осуществление этой цели.

Целью перестройки было создание условий, обеспечивающих преодоление жесткого противостояния страны другим развитым государствам и ее вхождение в мировое сообщество на правах влиятельного, равноправного партнера. Постперестройка отводила стране роль сателлита хозяев «цивилизованного мира».

Результаты удушения перестройки, а, следовательно, того, что в либеральных кругах России до сих пор именуют демократической революцией августа 1991 года, ныне предельно очевидны.

Трудно поправимый ущерб нанесли стране экономические реформы 90-х годов, проводившиеся в соответствии с рецептами радикального либерализма. С аналитической точки зрения не столь важно, в какой степени эти рецепты отражали стремление групп, оказавшихся у кормила власти, добиться позитивных сдвигов в экономике и в условиях жизни населения, имели ли они в виду действительную демократизацию общественных порядков и защиту интересов общества в целом. Есть все основания предполагать, что значительную роль в их поведении сыграли эгоистические соображения - в том числе расчет на то, что социально-экономический хаос, сопровождаемый массовым переделом государственной собственности, откроет для них возможности личного обогащения.

Главное, однако, в том, что же мы получили в итоге.

Под лозунгом борьбы с этатизмом были недопустимо ослаблены рычаги государственного регулирования экономики, без чего нельзя представить современную промышленную державу. Вместо обещанной идиллической картины процветающей рыночной экономики, опору которой составил влиятельный, зажиточный средний класс, российские граждане узрели беспрецедентное расхищение государственного имущества группой нечистоплотных псевдокоммерсантов и приближенных к власти бюрократов. Экономика страны не обрела качеств современного хозяйства. Получился мутант, соединивший олигархический капитал, остатки государственного социализма, зачатки корпоративизма, рыночных структур, обширный массив примитивного предпринимательства. Все это оказалось опутанным паутиной теневых и криминально-мафиозных отношений.

Экономическое отставание России за годы постперестройки не только не уменьшилось, но существенно возросло. Она выпала из числа государств, олицетворяющих экономический потенциал современного мира. В ряде отраслей производства произошла деиндустриализация. Определяющей чертой экономики страны осталась сырьевая ориентация. Не была приведена в маломальски приемлемый порядок транспортная инфраструктура. Объем ВВП на протяжении многих лет не выходил на уровень показателей конца дореформенных 80-х годов. Продолжалось безнаказанное разворовывание направляемых в экономику средств и массовый отток за рубеж.

Удручающими оказались социальные последствия постперестроечных экспериментов. Произошел обвал социальной сферы, худо-бедно, но защищавшей людей от материальных бедствий и лишений. Общество столкнулось с вопиющим социальным неравенством. Беспрецедентные для России масштабы приобрела бедность.

Наметилось своеобразное расщепление политического процесса, получившее затем развернутые формы. После короткого периода хаоса и двоевластия, породившего противостояние президента и его окружения, с одной

стороны, и парламента (Верховного совета), с другой, этот процесс распался на три автономные структуры: элитарную (реальную), в рамках которой принимались основополагающие властные решения; имитационную, призванную демонстрировать населению и зарубежным спонсорам результаты «демократического транзита», и латентную (протестную), реализовавшуюся, в первую очередь, на уровне политического сознания и в скрытых формах политического поведения.

В сфере внешней политики удушение перестройки и сопутствовавший ему развал Советского Союза обернулись для России резким сокращением ее международного авторитета и политического потенциала, а, следовательно,, способности отстаивать свои внешнеполитические интересы. В основе этого сокращения лежали, в частности, многочисленные новые проблемы, которых не было у страны прежде. Назовем некоторые из них, наиболее существенные.

Демографическая. Население страны сократилось примерно в два раза. Во вновь образованной Российской Федерации на протяжении ряда лет происходила депопуляция, которую не смогла полностью компенсировать интенсивная иммиграция. Учитывая ухудшающееся состояние здоровья населения, высокую смертность и низкую рождаемость, эта тенденция, скорее всего, сохранится еще на многие годы.

Проблема пограничного размежевания. Превращение прежних административных границ между республиками, входившими в единое государство, в межгосударственные границы породило множество разногласий. Наиболее острые из них более или менее урегулированы. Тем не менее, ряд противоречий до сих пор не нашел своего решения.

Появление новых национальных диаспор. Расчленение Союза на множество самостоятельных государств превратило ряд национальных сообществ в своеобразные диаспоры, находящиеся не только в инонациональном окружении, но и в иной стране. Этот процесс сказался не только на русском населении (20-25 млн. псевдоиммигрантов, оказавшихся за границей), но и на представителях других народов. В целом численность

новых меньшинств, проживающих на постсоветском пространстве вне своих национальных отечеств, оценивалась в начале века в 50-55 млн. человек. В результате были разорваны миллионы родственных и других личностных связей. В ряде бывших союзных республик стали все отчетливее проявляться культурная и языковая дискриминация новых диаспор, а иногда и вспышки направленного против них насилия, что создало для России дополнительные серьезные заботы.

Приближение государственных границ к жизненным центрам страны. Ослабление опасности масштабных военных действий против России, обусловленное окончанием «холодной войны», снизило остроту этого тревожащего процесса. Тем не менее, связанная с ним потенциальная угроза осталась. При неблагоприятном развитии событий под ударом могут оказаться основные жизненные центры России. Она попадает в зависимость от доброй воли непосредственных соседей. Но добрая воля в политике – фактор подвижный. И с этим приходится считаться.

Разрушение налаженной системы обороны. Стоившая огромных средств система обороны СССР была ориентированна на прежнее, более широкое геополитическое пространство. Территориальное сужение России в результате отпадения союзных республик сделало эту систему - в основных ее параметрах - бесполезной. По сути дела встал вопрос о ее создании заново.

Особую остроту приобрела в этой связи проблема обустройства новых границ, растянувшихся на тысячи километров. На протяжении ряда лет, прошедших с момента прекращения существования СССР, российские границы, особенно на Юге и Юго- Востоке, оставались (и частично остаются до сих пор), по сути, открытыми.

Угроза сухопутным транспортным потокам. Бесперебойное функционирование и безопасность сухопутных транспортных потоков между Россией и ее главными торговыми партнерами в Западной Европе, попали в зависимость от позиции стран-транзитеров. О том, чем это чревато, свидетельствуют серия конфликтов с поставкой нефти и газа из России на

Запад, не полностью преодоленные препоны при осуществлении грузового и пассажирского транзита через Литву из основной части России в Калининградскую область и некоторые другие трудности. Для минимизации этой угрозы потребовались значительные усилия и время.

Проблема морских перевозок. С петровских времен Россия не только континентальная, но и морская держава. В результате распада Советского Союза она лишилась ряда важных портов на Балтике, Черном море. Оказались подорванными и ее позиции на Каспии.

Сокращение запасов природных ископаемых. Советский Союз по праву считался богатейшей кладовой природных богатств, в том числе энергетических ресурсов. Однако их размещение было неравномерным. Наиболее перспективные и удобные для эксплуатации залежи нефти и газа располагаются восточнее Каспийского моря и в среднеазиатских пустынях. Там же размещаются мало разведанные запасы угля и цветных металлов. Все эти сокровища отошли к вновь образованным государствам. Были частично потеряны в ресурсном отношении также шельфы морей – Каспийского, Балтийского и Черного.

Особенности ситуации у новых соседей. Многие государства, возникшие на постсоветском пространстве, на протяжении ряда лет не могли преодолеть глубокого кризиса, обусловленного их отпадением от Советского Союза. Между некоторыми из них вспыхивали вооруженные конфликты из-за спорных территорий. Другие столкнулись с процессами внутреннего распада. Третьи пережили серию острых политических пароксизмов, выливавшихся, нередко, в силовые столкновения.

Такое соседство не могло не сказаться на России. События, потрясавшие (и потрясающие) приграничные государства, создают для нее и поныне дополнительные проблемы и потенциальные угрозы.

С некоторыми из названных выше последствий Россия частично справилась. Со временем началось восстановление оборонительного потенциала. Сохранен в своей основе ракетный щит.. Частично возрожден

военно-промышленный комплекс. Хотя и с большим опозданием, но началось обустройство границ. Несмотря на потерю важных приморских территорий, Россия удержала выход ко всем морям, омывавшим СССР. Основные сухопутные транспортные каналы, несмотря на препоны, о которых шла речь выше, в целом сохранили жизнеспособность.

Тем не менее, говорить о возвращении России внешнеполитических позиций, потерянных в результате постперестройки, и, прежде всего, развала Советского Союза, не приходится.

Как же отреагировали на происходившее США и страны Западной Европы? Вполне традиционно, то есть предельно эгоистично. Они скорректировали свою внешнюю политику в соответствии с новым соотношением сил, изменившимся в результате выпадения из синклита ведущих держав мощного игрока.

В начале 90-х годов Соединенные Штаты, первоначально поддерживавшие перестройку и проявлявшие готовность к сотрудничеству с СССР, переосмыслив внешнеполитические установки, взяли курс на создание миропорядка, получившего впоследствии наименование «однополярного мира». Основной чертой этого миропорядка должна была стать повсеместная и безусловная гегемония Соединенных Штатов. Ослабевшей, лишившейся внешнеполитических козырей России отводилась в нем роль мало значимого, ведомого партнера. Некоторые влиятельные политические силы стали рассматривать ее как своеобразную «бесхозную» территорию - объект «освоения».

Аналогичные установки стали доминировать и во многих западноевропейских столицах.

За этим последовал ряд практических действий. Происходившее в России, первоначально трактовавшееся как преодоление оков тоталитаризма и возвращение в объятия демократического мира «блудного сына», было переосмыслено как ее полное и безоговорочное поражение в третьей мировой (на этот раз холодной) войне. Это предопределило отношение к ней как к

«поверженному ниц» неприятелю. Ее интересы перестали приниматься к серьезному рассмотрению. Предполагалось, что ей надлежит быть благодарной уже за то, что ее не топчут ногами, а предоставляют место в господской передней.

Эта перемена в подходе к России незамедлительно сказалась на официальной позиции НАТО. В конце 80-х годов, в разгар перестройки во многих западных столицах с немалой долей серьезности обсуждался вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения Североатлантического блока как военного союза. С начала же 90-х годов в этих столицах, как и в Брюсселе, зазвучали иные ноты.

На римской сессии НАТО, состоявшейся в 1991 году, была провозглашена установка на трансформацию блока. Однако в постсоветский период под ней подразумевалось уже не сужение, но, напротив, дальнейшее расширение его функций. Вскоре этот подход был наполнен конкретным содержанием - в виде ориентации на продвижение НАТО на Восток путем включения в ее состав бывших союзников СССР - стран Центральной и Восточной Европы. Следующим шагом в этом направлении стала установка на включение в НАТО государств, возникших на постсоветском пространстве. И все это было зафиксировано в Стратегической концепции НАТО 1999 года.

Было также задекларировано намерение НАТО не ограничиваться впредь масштабами Атлантического региона, за безопасность которого она вроде бы отвечала, и принята на вооружение установка на выполнение ею и ряда глобальных функций. В рамках соответствующей концепция (трех зон ответственности НАТО) особую роль предполагалось уделить азиатскому региону, не в последнюю очередь бывшим советским республикам Закавказья и Центральной Азии. То, что в России это может, не без оснований, быть воспринято как намерение взять ее в клещи, во внимание не принималось. Предлагалось, что она покорно смирится с любым вариантом, реализуемым вне ее территорий.

Последствия изменившейся расстановки сил сказались не только на

отношениях Россия - западные державы.

Выпадение из ареопага мировой политики его важного элемента существенно затормозило позитивное развитие системы международных отношений. Между тем потребность в таком развитии становилась все более очевидной. Структура человеческого сообщества продолжала усложняться. Известно, однако, что чем сложнее система, тем уязвимее ее стабильность и тем эффективнее должны быть скрепы, гарантирующие ее существование. Однако это не было принято во внимание и не породило должной реакции.

Переструктуровка межгосударственных отношений, способная, если не устранить, то, по крайней мере, смягчить, как старые, так и вновь возникшие противоречия, по сути, не осуществлялось. Более того. Государства, сохранившие доминирующие позиции в постперестроечном мире, прежде всего США, продолжали уповать на силовое давление как на фактор международного порядка. В ответ другие страны стали ориентироваться на приобретение все более эффективных средств противодействия силовому давлению. В результате, вместо нового миропорядка, к которому начало двигаться человечество в годы перестройки, оно столкнулось с дестабилизацией того, что было.

Негативный вклад в ситуацию внесли и творцы российской постперестроечной внешней политики. При всей сложности положения, в котором находилась Россия, у нее, тем не менее, оставалась возможность сохранить хотя бы некоторые позитивные результаты внешней политики СССР, проводимой в годы перестройки. Могла она по-прежнему воздействовать и на происходившее в мире в духе принципов «нового политического мышления». Этого сделано не было.

Напротив. Внешняя политика постперестроечной России на протяжении многих лет определялась готовностью безропотно следовать курсом, предписанным извне - даже в тех случаях, когда это явно противоречило нормализации международной обстановки и ущемляло российские интересы. И объяснялось это не только (и не столько) сократившимися материальными и духовными ресурсами. В основу внешней политики, проводимой группами,

оказавшимися у власти в России, были положены идейно мотивированный отказ от самостоятельной роли на международной арене как бесперспективной и неоправданной, исходная готовность безоговорочно следовать указанием, поступающим, прежде всего, от США, и патологическая неспособность отстаивать посягательства на жизненно важные позиции своей страны.

В начале XXI века Россия начала возвращаться на мировую арену в качестве влиятельного субъекта международной политики. Это несколько изменило ситуацию, складывавшуюся в 90-е годы. К концу первого десятилетия нового столетия в ней наметились некоторые, в целом позитивные тенденции. Однако пока перемены реализуются преимущественно в словесной форме. Превратятся ли они в реальные дела судить пока трудно.

Уроки перестройки

Перестройка при всей своей краткости и трагическом завершении напомнила человечеству множество уроков. В их числе, как следует из рассмотренного выше, можно выделить четыре, наиболее важных.

Урок первый. Медлить с назревшими переменами опасно. Несвоевременная реакция на назревшие преобразования приводит к тому, что они, в конечном счете, все же осуществляются, но в крайней, экстремальной форме и, чаще всего, приводят к результатам, не совпадающим с теми, которые замыслились первоначально.

Как уже отмечалось, перестройка запоздала, по меньшей мере, на несколько десятилетий. Если бы она произошла в 50-60 годы, когда энтузиазм и надежды, порожденные великой победой над фашизмом, еще определяли сложившуюся в стране общественную атмосферу, а политический капитал, которым обладали власти, не был окончательно исчерпан, ход политических событий и их последствия могли бы быть совсем иными.

Урок второй. Если объективно обусловленное историческое событие не нашло своего содержательного завершения, это вовсе не означает, что оно не имело смысла.

Перестройку постигла трагическая судьба многих первых попыток исторических значимых начинаний, которые стали затем, в глазах потомков, выдающимися вехами прогресса. Над ней была совершена расправа. Итоги этой расправы очевидны. Российское общество получило в 80-е годы минувшего века исключительный шанс выйти на путь всестороннего обновления - без бессмысленных потерь и потрясений. Для его реализации имелись необходимые предпосылки: материальная база, общественная атмосфера, возможность опереться на институты государственной власти. Но шанс этот использован не был. И вина, естественно в разной степени, - лежит на всех: и тех, кто делал, на тех, кто не делал, но, прежде всего, на тех, кто целеустремленно мешал делать.

Потери были понесены не только Советским Союзом и, соответственно, Россией, отброшенной в своем развитии далеко назад – к временам первоначального накопления и дикого капитализма, но и всем человечеством. Неполное решение проблем, поставленных в свое время перестройкой, со всей очевидностью затруднило ему реалистическую реакцию на вызовы созревшие последующие годы, особенно в новом, XXI веке. В результате адекватный ответ на них не был найден. Поэтому человеческое сообщество стоит сейчас перед двойной задачей: с одной стороны, доделать то, что было упущено в свое время, а с другой - осуществить то, что надлежит совершить сегодня.

Разумеется, то, что произошло, *свершилось*, и всякого рода «если» не имеют смысла. Упущенные шансы вернуть невозможно, как нельзя возвратиться в прошлое, даже если бы очень захотелось. И, тем не менее, идеалы перестройки не испарились. Они оставили глубокий отпечаток в общественном сознании. Ее опыт стал его неотъемлемой частью как представление о реальной альтернативе и казарменно-административной карикатуре на социализм, и бюрократическо-олигархическому капитализму, утвердившемуся в результате постперестройки.

Урок третий. Перестройка убедительно подтвердила, что установки общественного развития не могут быть порождением оторванных от почвы

добрых пожеланий, продуктом «чистого разума». Они должны учитывать различия между дальними стратегическими целями и набором конкретных практических действий, имеющих тактический характер. Игнорирование указанных обстоятельств в силах не только помешать желательному движению, но и обернуться серией потрясений. Отсюда предпочтительное значение тактики, основанной на системе постепенных шагов, соотнесенных с реальностью, каждый из которых закреплен результатами, позитивно воспринимаемыми обществом.

Разумеется, практически осуществлять подобную тактику крайне сложно, особенно в обстановке всеобщего возбуждения и экзальтации, свойственных эпохам перемен. Но важность стремления к этому очевидна. Не следует пугаться задержек. Замедление на промежуточных этапах может обернуться ускорением в последующем движении к цели. И это не исключение, но почти правило.

Урок четвертый. Преобразования, особенно глубинные, непосредственно затрагивающие интересы населения, должны учитывать его ментальность, исторический опыт и степень доверия к инициативным политическим силам. В противном случае придется столкнуться с его пассивным отношением к переменам, а то и с готовностью поддержать их противников.

Завоеванию позитивного отношения основной массы граждан к сделанному обычно содействуют конкретные меры, которые бы были восприняты населением как свидетельство заботы о благе рядовых граждан и серьезности заявленных намерений. Среди них поступательное расширение влияния общества на политические решения, а также кадровые перемены, предполагающие выдвижение на решающие государственные позиции деятелей, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Население, как правило, проявляет готовность взвалить на себя тяготы, неизбежные в ходе серьезных перемен, лишь в том случае, если эти тяготы распределяются, по возможности, равномерно. Первостепенное значение имеют в этой связи внешние атрибуты поведения верхушки правящей элиты. Ее образ

жизни и структура потребления призваны демонстрировать то крайне важное для общественного сознания обстоятельство, что представители высших эшелонов власти не считают себя небожителями, возвышающимися над обществом и призванными «володеть и править», но осознают свою роль чиновников, наделенных определенными функциями и несущих ответственность перед гражданами за исполнение своего служебного долга.

Новые вызовы

Рассмотренные выводы актуальны, прежде всего, потому, что за годы, прошедшие со времен перестройки мировое сообщество оказалось перед рядом новых серьезных вызовов, а, следовательно, перед острой необходимостью, обусловленных ими перемен.

Перечислим некоторые, наиболее существенные из этих вызовов.

Наибольшую остроту за всю его историю приобрели отношения людей с окружающим миром, с природой.

Парниковый эффект, обусловленный нарастающим выбросом в атмосферу продуктов горения, уже привел к трудно обратимым изменениям. Меняются климатические характеристики многих регионов. Одним из проявлений произошедших перемен стали необычайная жара и засуха, поразившие одни страны, и катастрофические по размаху наводнения, поразившие другие в 2010 году.. Увеличилось число опустошительных ураганов, смерчей, цунами. Участились мощные землетрясения, распространяясь на традиционно сейсмические районы мира... Все более рельефной становится угроза, что некоторые, в том числе густонаселенные регионы, превратятся в территории, непригодные для обитания человека. И это только начало.

Еще в XX веке человеческое сообщество вплотную столкнулось с угрозой дефицита невозобновляемых природных ресурсов. Истощались и сокращались сельскохозяйственные угодья, прогрессировало опустынивание земель, мелели и загрязнялись реки. Все очевиднее становилась перспектива окончательной выработки необходимых для существования людей ископаемых.

Сейчас это стало особенно очевидным. Согласно некоторым научным оценкам, в 2010 году человечество стало потреблять больше естественных ресурсов, чем их в состоянии восстановить природа. Тем самым положено начало их повсеместному абсолютному сокращению.

Все острее встает перед человечеством проблема энергетических ресурсов. Потребности мирового сообщества в энергии по-прежнему удовлетворяются в основном за счет ископаемого топлива: нефти, газа и угля. А это, с одной стороны, наращивает угрозу дальнейшего неконтролируемого потепления, а, с другой, создав острый дефицит важных ископаемых, поставит в крайне трудное положение последующие поколения. Между тем, новые способы производства чистой, возобновляемой и экономически доступной энергии внедряются в производство крайне медленно и, скорее всего, получат широкое применение лишь в далеком будущем.

Серьезную угрозу таит в себе повсеместная технизация и технологизация обыденной жизни. Они, как свидетельствует практика, чреваты нарастанием череды технико-технологических катастроф регионального, а то и глобального, масштабов.

Противостоять всему этому можно, лишь реализовав на практике ориентацию на инновационное развитие, предполагающую установление современных форм взаимоотношений человека и окружающей среды, создание совокупности композитных и иных искусственных материалов, используемых взамен традиционных металлов, и внедрение соответствующих способов их обработки, повсеместный переход к потреблению возобновляемых источников энергии, принципиальное совершенствование и системное использование во всех сферах жизни (в том числе в системе управления и обратной связи) микроэлектроники и информационных технологий, качественное совершенствование биологических условий существования и деятельности личности. Все это, естественно, потребует, в свою очередь, качественных сдвигов не только в экономике, но и во всех общественных структурах.

Важнейшая форма противоречий и угроз нового века - последствия прогрессирующей глобализации. Сегодня очевидно, что это объективный процесс, которому бессмысленно противодействовать. Уже на нынешнем этапе глобализация принесла с собой немало положительного. Важно, однако, видеть и ее негативную сторону. Происходящая с разной степенью интенсивности в различных сферах деятельности человека, она обостряет кризисные ситуации, нарушая экономические, социальные, политические и культурные взаимосвязи. До сих пор выигрывали от нее, прежде всего, экономически развитые страны и опирающиеся на них крупные финансово-промышленные комплексы. Проигрывали же менее развитые государства, для многих из которых движение, стимулированное глобализацией, обернулось серьезными материальными и социальными потерями.

Теперь эта тенденция вроде бы ослабевает. Однако разрыв в условиях существования населения на развитом «Севере» и менее развитом «Юге» остается вопиющим. И., что очень важно, порождаемая им реакция миллионов обездоленных людей приобретает качественно новое выражение. Во-первых, она реализуется в более острых формах. Во-вторых, сублимируясь, все чаще приобретает религиозно-фундаменталистский облик.

Разумеется, в целом фундаментализм не аналогичен радикализму. В его рамках существуют многочисленные умеренные течения. Однако ныне в нем выдвигаются на передний план наиболее экстремистские фракции. Активизация международного терроризма, от которого страдает сейчас человечество, - одно из проявлений этого процесса.

К числу опасных угроз нашего времени можно с полным основанием отнести и массовую иммиграцию, грозящую вылиться в новое Великое переселение народов. В последние десятилетия XX- начале XXI веков в развитые страны хлынули мощные потоки выходцев из наиболее бедных и неблагополучных стран, главным образом, Азии и Африки. Не минула этого и Россия. Направленность потока с самого начала определялась разрывом в

уровнях жизни. Однако свой вклад в стимулирование данного процесса внесла и глобализация как таковая.

Попытки ограничить иммиграционные потоки привели к резкому увеличению нелегальной иммиграции. Сейчас ее количественные показатели вполне сопоставимы со всеми остальными видами миграции вместе взятыми. Все это существенно воздействует на изменение культурно-цивилизационной и общественно-политической ориентации новых иммигрантов. Они в своем большинстве не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру.

В некоторых из стран, ставших своего рода резервуаром для иммиграционных потоков, возникли целые анклавные общины, в которых вновь прибывшие начали составлять большинство населения. Они представляют собой постоянный источник напряженности, способный в любое время дать очередную вспышку.

Это, в свою очередь, сказывается на настроениях коренного населения. Уже сейчас непосредственным результатом возросшей иммиграционной волны стало настороженное отношение многих исконных граждан к «чужакам». В ряде случаев оно перерастает в нетерпимость, проявляясь не только в быту, но и на общественном поле, о чем свидетельствует усиление позиций праворадикальных, шовинистических партий. К наметившейся тенденции начинают подстраиваться и другие партии, пытающиеся таким образом удержать избирателей в орбите своего влияния.

Существует и иная сторона происходящего.

В результате глобализации отдельные, некогда отстававшие страны, относимые к так называемому «третьему миру», приобрели в своем экономическом развитии такое ускорение, что недалеко то время, когда им удастся занять в мировом хозяйстве первостепенные позиции. Поскольку речь идет об общностях, в которых проживает большинство человечества, это неизбежно приводит к соответствующему возрастанию и их политического веса в мировой политике. В результате может произойти то, что неоднократно

наблюдалось в давнем прошлом. Страны и целые регионы, составлявшие длительное время авангард мировой системы, откатывались на третьестепенные позиции, в то время как считавшаяся захолустной периферия устойчиво приобретала место на самой вершине мировой пирамиды.

Уже сейчас есть все основания констатировать, что обусловленные этим изменения в расстановке сил, сложившейся в прошлом и сохранявшейся на протяжении нескольких столетий оборачиваются рядом весьма конкретных последствий.

На протяжении истекших трех-четырёх десятилетий, товары, производимые в считающихся развитыми государствах (прежде всего в Западной Европе), постепенно уступали в конкурентоспособности аналогичным товарам, изготовленным в странах, считавшихся отсталыми. Это во многом определялось появлением в этих странах сравнительно подготовленной, и в то же время значительно более дешевой рабочей силы. Последние годы уровень квалификации в некоторых вырвавшихся вперед странах стал приближаться к тому, который рассматривался как норма в европейских государствах. Это не могло не сказаться на направленности потоков капиталов и технологий. Они стали все интенсивнее перемещаться в сторону Востока и Юго-востока.

Первоначально это сказывалось на судьбах предприятий, производивших отдельные товары бытового потребления (текстиль, обувь и т.д.). Затем их ассортимент существенно расширился. Ныне страны Запада, и не в последнюю очередь Европейского Союза, покидают предприятия транспортного машиностроения, судостроения, электроники, программного обеспечения и т.д. Это стало и остается одной из определяющих причин устойчивой безработицы, отмечаемой в этом регионе.

Предпринимаемые ныне попытки изменить ситуацию, сложившуюся в промышленно развитом регионе, урезая социальные программы и снижая уровень заработной платы - результат завоеваний наемного труда на протяжении последних двух столетий - чреватые серьезными социальными конфликтами. Отсюда острая необходимость предельной осторожности при

использовании подобного «лекарства». Если ее не соблюдать, можно столкнуться с потрясениями, в корне подрывающими политическую стабильность. Это уже ощутили на себе отдельные, некогда благополучные члены Европейского Союза.

Серьезную угрозу будущему стран этой части континента составляет четко проявляющаяся ныне тенденция демографического развития. Их население неудержимо стареет. Этот процесс подпитывается двумя важными обстоятельствами: возрастанием продолжительности жизни, с одной стороны, и падением рождаемости - с другой. Одним из последствий происходящего является чреватое многими опасностями изменение в худшую сторону соотношения трудоспособного и нетрудоспособного (по возрасту) населения. Дальнейшее развитие этой тенденции может создать ситуацию, при которой сократившееся трудоспособное население окажется не в состоянии обеспечивать нормальные условия существования его нетрудоспособной части. На уровне нынешних представлений решить эту проблему можно двояко: либо пойти на существенное снижение уровня обеспечения нетрудоспособных, либо постоянно пополнять ряды трудоспособного населения за счет форсируемой иммиграции.

Между тем оба эти способа могут, в перспективе, взорвать ситуацию. При сохранении демократических порядков значительное ухудшение условий существования столь значительной части граждан либо невозможно, либо крайне опасно. В свою очередь, чрезмерное насыщение трудоспособного населения носителями иного менталитета, иной культуры, а в ряде случаев и конфессиональной ориентации, как уже было показано выше, чревато нарастанием еще одной достаточно серьезной угрозы.

Серьезному давлению подверглись на протяжении истекших десятилетий устои международного демократического правопорядка. Исторически демократия сложилась в национально-государственных рамках. Размывание этих рамок, обусловленное глобализацией, сделало возможным принятие властных решений не на национальном, а на наднациональном уровне. Однако

органов демократического контроля на этом уровне не существует. В результате возникла жизненно важная международная сфера, закрытая для демократических механизмов. Тем самым расчистилось поле для эгоистических злоупотреблений и неконтролируемых дестабилизирующих влияний. И это не абстрактное предположение, а констатация реальных процессов.

Ситуация, сложившаяся в сфере международных отношений, определяется ныне следующим коренным противоречием: С одной стороны, перед человечеством со всей очевидностью встала проблема создания принципиально нового мирового порядка, который отвечал бы возросшему уровню взаимозависимости народов и государств. С другой, этот уровень размывается под воздействием совокупности дестабилизирующих факторов. Взаимозависимость интенсивно подпитывается глобализационными процессами, а дестабилизация - растущим сопротивлением населения и элит многих национальных государств унификационным тенденциям.

Оказалось, что на поведение субъектов мировой политики по-прежнему сильно воздействуют партикуляризм и эгоизм, имеющие глубокие социокультурные корни. Национально-государственные и корпоративные интересы не укладываются пока в общечеловеческие рамки. Да и само определение этих рамок остается сферой противоборства политических и экономических интересов. Все это непосредственно сказывается на практике международных отношений. То здесь, то там вспыхивают силовые конфликты.. Происходит ползучее распространение ядерного оружия. Повсеместно попирается международное право. Углубляется кризис международных институтов, призванных служить инструментом мира и сотрудничества.

Как не хватает в этих условиях перестроечного «нового политического мышления» с его установкой на взаимопонимание и сотрудничество.

Понимание того, что современный мир созрел для принципиальных изменений, утвердилось сейчас в самых широких кругах. Его, наряду с прочим, в решающей степени особенно стимулировал глубокий и продолжительный

кризис конца первого и начала второго десятилетия нового, XXI века. Подобное понимание демонстрируют сейчас уже не тысячи, но десятки миллионов граждан в разных странах и на разных континентах. Требование перемен превратилось в один из самых популярных электоральных брендов. И то, что их обычно называют по-разному - иногда перестройкой, но чаще обновлением, модернизацией или инновационным развитием, не меняет существа дела.

Разумеется, представления о содержании букета назревших перемен существенно отличаются друг от друга. И это естественно, ибо направление преобразований имеет ценностный характер. Тем не менее, по мере появления новых вызовов и дальнейшего обострения проблем, которые предстоит решать человечеству, вырисовывается ряд подходов, вроде бы приемлемых для большинства.

Россия в изменившемся мире

Естественно, что в сложившихся условиях в переменах остро нуждается и Россия. Специфика этих перемен определяется тем, что ей, в большей степени, чем другим странам, предстоит преодолевать тяжелое наследие постперестройки и решать проблемы, диктуемые новой обстановкой.

Рассмотрим эту потребность детальной.

Общественно-политическая система, сложившаяся в стране в первом десятилетии нового века, казалась бы, помогла преодолеть хаос 90-х годов и продержаться на протяжении нескольких лет относительно высокой мировой экономической конъюнктуры. Однако мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, с беспощадной откровенностью высветил слабость структур, образующих выглядевший первоначально монолитным российский политический механизм.

Во-первых, инструментарий управления обществом и государством, ориентированный в своей основе на прошлое и будучи консервативным в самом прямом смысле слова, продолжал решительно отвергать любые новации. А это,

в свою очередь, предельно затрудняло продвижение страны вперед, и, прежде всего, ее назревший перевод на модернизационно-инновационные рельсы.

Во-вторых, административный аппарат, созданный за прошедшие годы, все очевиднее проявлял себя как коррумпированный и не мотивированный на положительные сдвиги. В ряде случаев он просто выходил из подчинения высшей власти, в результате чего терялось минимально необходимое управление происходящими процессами.

В-третьих, отчуждение общества от власти и государства, издавна свойственное России, приобрело поистине болезненный характер. Они устойчиво существуют как бы в различных мирах, приходя в соприкосновение лишь при крайних обстоятельствах.

Крайне уязвимы все значимые сегменты общественного пространства.

В экономической сфере в полной мере сохранилась ориентация власти на наиболее состоятельное меньшинство. В соответствии с этим на самом высоком уровне продолжают задавать тон либералы - фундаменталисты. Это во многом объясняет неготовность верхов отказаться от подхода к управлению народным хозяйством, создавшего возможность массового растраниживания народного достояния, породившего деиндустриализацию, тормозящего экономическое обновление и модернизацию, от ориентации на создание тепличных условий сросшимся с бюрократическими верхами олигархам-монополистам, от необоснованной приверженности приватизации общественно значимых государственных предприятий и учреждений.

Все еще уязвима реально проводимая социальная политика. Отход от явного игнорирования ее значимости, доминировавшего в 90-е годы, на время разрядил социальную напряженность. Несколько улучшилось положение наиболее уязвимых групп населения. Это в отдельных случаях даже вызвало недовольство крайне правых фундаменталистов, обвинивших власти в расточительности и популизме. Вместе с тем сущность социальной ориентации правящей элиты по сути дела не изменилась.

Программа экономического восстановления страны по-прежнему ориентирована на интересы разбогатевшей части граждан. Все еще сохранились глубокое равнодушие к социальным потребностям отдельных людей и общества в целом, к выходящему за разумные пределы разрыву в условиях существования «верхов» и «низов», фактически игнорируется то, что социальное здоровье социума является не только решающим условием успешного экономического развития, но и главной предпосылкой его стабильности, а, следовательно, выживания.

В должной мере не учитывается то, что социальная ответственность не может быть сведена к подачкам тем, кого реализация радикально-либеральных экспериментов вытеснила на обочину жизни, что в интересах стабильности, а, следовательно, и самой власти, необходимо возвращение к принципам социальной справедливости, иными словами - создание (а частично и воссоздание) такой системы социальных амортизаторов, которая наполнила бы каждого гражданина уверенностью в том, что общество не бросит его на произвол судьбы, и что он всегда, на всех этапах жизни будет пользоваться гарантированной социальной поддержкой.

Полезно напомнить в этой связи, что попытки посягнуть на данную (в том числе уже сложившуюся) систему, предпринимаемые ныне в различных зарубежных странах, чаще всего, не приносят успеха. И дело тут не только в сопротивлении, на которое они наталкиваются в обществе. Дело еще и в том, что живой труд, необходимый нынешнему общественному производству, в гораздо большей степени, чем прежде, основывается на высоком интеллекте, знаниях и информированности. А это, в свою очередь, предполагает повышенные требования к условиям воспроизводства рабочей силы, а значит и к системе социальных гарантий. Тот, кто не хочет считаться с этим, может оказаться в итоге без необходимой рабочей силы.

Все еще не преодолена политическая ориентация верхов, проникнутая тем, что можно было бы назвать *авторитарным соблазном*. Между тем, в обществе, по мере окаменения вертикали власти, все острее ощущается

усталость от авторитаристских «кунштюков», потребность в мерах, ограждающих его от их последствий и, прежде всего, от бесправия и начальственного произвола.

И дело тут не только в индивидуальных интересах. Концентрация властных полномочий в верхах неизбежно ведет к их мультипликации на все уровни – вплоть до самого низа. Неизбежное следствие этого - дальнейшее вырождение и коррумпирование управленческих механизмов. Еще одно следствие – оскудение источников независимого видения событий и процессов. А без них власть лишается объективной информации, поступающей по каналам обратной связи, а, следовательно, и возможностей самокритичной оценки. Одновременно размываются возможности нормальной селекции кадров и способов контроля над ними.

В этих условиях одними из первостепенных проблем, решаемых в ходе перемен, неизбежно становится экономическое оздоровление страны и гарантирование гражданам нормальных условия жизни, в том числе прожиточного минимума, сопоставимого с уровнем потребления в развитых странах Европы. Очевидно, что такое оздоровление, в принципе, предполагает широкое использование рыночных механизмов. Поэтому подобным механизмам должно быть отведено надлежащее место. Вместе с тем рыночные отношения следует рассматривать не как универсальное средство решения проблем, но как один из его способов. Наряду с рыночными механизмами страна нуждается и в ином - экономическом и внеэкономическом инструментарии.

Сказанное в первую очередь относится к сферам образования, здравоохранения, культуры и науки. Их полное огосударствление, как показал накопленный опыт, влечет за собой негативные последствия. В свою очередь, повсеместный перевод этих сфер на рыночные отношения, происходящий последние годы, приводит к их упадку. Отсюда острая необходимость поиска оптимального соотношения индивидуальных и общественных усилий, способного обеспечить необходимые масштабы и качественные показатели нематериальной, духовной деятельности.

Многие годы во властных кругах России доминировало стремление создать экономическую систему, во многом напоминающую раннекапиталистические отношения манчестерского типа, уже давно отвергнутые в экономически развитых странах. Теперь остро назрела потребность начать реальное движение к смешанной экономике, при которой частная, коллективная, муниципальная и государственная собственности займут то место, которое необходимо для обеспечения наиболее эффективной хозяйственной деятельности.

подавляющее большинство населения стремится к устойчивым условиям жизни, под которыми понимает, прежде всего, установление правового порядка, гарантирующего законопослушным гражданам страны возможность спокойно жить и трудиться, не опасаясь ни административного произвола, ни акций организованных криминальных групп, ни уличной преступности. Поэтому оно ждет от власти готовности - очистить свои институты от разложившихся, коррумпированных элементов и начать бескомпромиссную борьбу с преступными силами на всех уровнях – от низшего до самого высокого..

Отсюда необходимость в сильном государстве, готовом эффективно выполнять свои функции во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем позитивное отношение к нему и его институтам предполагает выполнение ими ряда условий:

- отношения политической власти и гражданского общества, основанного не на доминировании, а на взаимодействии;
- противопоставления тенденции к сосредоточению властных функций в руках одной личности или немногочисленной олигархии четко функционирующей системы разделения властей и контрольных органов;
- корректировки управленческих актов системой обратной связи.

Одновременно назрела потребность в более продуманной и взвешенной социальной политике. Она будет, естественно, варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако при всем этом при ее осуществлении нельзя

не считаться с непоколебимостью следующих основополагающих характеристик:

- в разрыве в уровнях жизни наиболее и наименее состоятельных групп населения не выходящем за пределы соотношения пять-семь к одному;
- в оплате наемной рабочей силы не ниже расходов на ее воспроизводство;
- в гарантии социально уязвимым группам населения источников существования, полностью обеспечивающих прожиточный минимум;
- в предоставлении всем гражданам равных стартовых условий, предполагающих, в частности, равное право на получение медицинских услуг и образования.

Для этого потребуются государственно регулируемая система перераспределения общественного продукта - система взвешенная и рациональная, рассчитанная на то, чтобы не зарезать «курицу, несущую золотые яйца», но, вместе с тем, достаточно масштабная, чтобы обеспечивать реальное сближение условий существования различных слоев населения, вне зависимости от их места в системе общественного производства и территории проживания. Это, естественно, предполагает и сближение уровней жизни в центре (мегаполисах) и регионах, в том числе пока отстающих в экономическом развитии.

Практика убедительно свидетельствует, что все это не расточительность, а весомый вклад в народное хозяйство, ибо экономия на социальных вложениях в конечном итоге влечет за собой огромные потери.

Поскольку при любых обстоятельствах труд значительной части экономически активного населения будет оставаться наемным, к числу социальных ценностей, без учета которых невозможно функционирование современной общественной системы, относится также развернутое правовое регулирование процесса купли-продажи рабочей силы. Не случайно в современных обществах такое регулирование в форме многостороннего законодательства образует важнейшую составную часть всей правовой системы.

В годы постперестройки правовое регулирование отношений найма - и до того несовершенное - оказалось в значительной мере разрушенным. Трудовое законодательство повсеместно игнорируется и поныне, коллективные договора, как правило, не заключаются, профессиональные союзы, если не формально, то фактически, крайне ограничены в своих действиях. Поэтому представления о предпочтительном пути развития страны не могут не учитывать острой необходимости восстановить все то положительное, что имелось в прежнем трудовом законодательстве, и придать ему современную форму.

Стратегической составляющей развития России на протяжении ближайших десятилетий провозглашена модернизация. Эта вполне оправданная постановка вопроса обусловлена особенностями нынешнего этапа мирового развития. Все более или менее развитые страны в той или иной степени пребывают сейчас на пороге инновационного перехода, который по своему значению может быть сравним с промышленной революцией XV111- XIX вв. и с научно-технической революцией XX века. Если Россия намерена быть державой, играющей заметную роль в системе мироустройства, ее движение в направлении, избранном мировым сообществом, неизбежно. В противном случае она может пополнить сокращающуюся когорту государств, определяемых как слабо развитые. Более того. Не исключено, что под угрозой окажется само существование России как целостного, суверенного организма.

Ориентация на модернизацию в той ее форме, которая отвечает потребностям сегодняшнего дня, предполагает активное стимулирование трех взаимозависящих направлений: во-первых, коренного преобразования производственного потенциала, причем в масштабах, которые бы позволили ей слезть с «трубы», во-вторых, создания технологических (инфраструктурных), экономических, социальных и политических предпосылок для инновационного рывка, и, в-третьих, развития принципиально новых инновационных сфер деятельности.

Движение в этом направлении предполагает иные, чем прежде, отношения индивида и общества, общества и государства. Следовательно, оно неизбежно

потребуется коренного преобразования общественно-политических отношений, и, прежде всего, создания адекватной политической системы (или, по меньшей мере, ее главных элементов).

Как всегда в аналогичной ситуации, перед теми, кому предстоит действовать, встает сакраментальный вопрос «С чего начать»?

Результативные действия обычно опираются на адекватное знание исходной ситуации и возможных последствий управленческих решений. В противном случае их реализация обречена на неудачу. Но знание реальной ситуации и представление о возможных последствиях принимаемых решений требует эффективного, взаимодействия между верхами и низами., и, прежде всего, действенной системы обратной связи.

Пока страна такой системой не располагает. В ней не преодолена ориентация на поддакивание и «облизывание» власти. На опасность такой практики неоднократно указывалось и «сверху». Но для того, чтобы преодолеть ее, недостаточно деклараций и упреков. Не поможет делу одно лишь расширенное использование новых возможностей Интернета. Следовательно, одна из первостепенных задач трансформации политической системы в интересах модернизации - реанимация эффективной обратной связи.

В моделях такой трансформации, заслуживающих серьезного рассмотрения, значительное, если не исключительное внимание уделяется выборам в органы власти, соответствию их результатов волеизъявлению граждан, функционированию партий, гарантиям должного представительства различных групп интересов, предотвращению злоупотреблений при организации избирательного процесса. Это, безусловно, оправданно и заслуживает всяческой поддержки. Однако, констатируя это, важно не забывать, что выборы, как и межпартийные игры, – лишь верхний, наиболее заметный слой рассматриваемой проблемы. Существуют и другие, глубинные слои. Обычно в ходе дискуссий разговор о них не ведется. Между тем без их преобразования полное оздоровление политической системы практически невозможно. И здесь тоже можно многое сделать.

Жесткую властную вертикаль, исчерпавшую свою роль как средства борьбы с региональным сепаратизмом, полезно преобразовать из административной в правовую. Это, в частности, предполагает передачу в низы дополнительных финансово обоснованных функций. Расширение полномочий на местах, естественно, сопровождалось бы наращиванием ответственности местной власти перед законом. А вертикаль, в той мере, в какой она необходима, могла бы в полной мере поддерживаться благодаря усилению контроля над правовой ситуацией.

. Полезно также до предела сократить многоступенчатость исполнительной вертикали. Чем многочисленнее ступени, тем легче превращать спускаемый сверху импульс в его противоположность.

Необходимо наладить регулярный, ежеквартальный мониторинг состояния общественного сознания, проводить который не следует отдавать на откуп коммерческим организациям, готовым за «хорошие деньги» выдавать на гору любой результат, который пожелает заказчик. Его лучше всего поручить специализированному государственному институту, несущему ответственность за адекватность полученных данных перед руководством страны и парламентом. Соответственно, результаты мониторинга было бы полезным обсуждать на Совете министров и использовать при принятии соответствующих решений.

Возрастающее стремление заметной части общества участвовать в решении проблем муниципального, регионального и федерального значения имеет смысл канализировать, возродив напроць забытую последние годы систему общенародных опросов (плебисцитов). Как доказала практика многих стран, их регулярное использование, как правило, на порядок снижает накопившуюся в обществе напряженность.

Массовый интерес к публичной деятельности, как форме реализации обратной связи, может быть безболезненно утолен также путем создания в сети Центров общественных дискуссий с открытым допуском на них любых не запрещенных в судебном порядке политических организаций. Сходную роль могла бы сыграть система аналогичных английскому Гайд-парку специально

оборудованных территорий для митингов и демонстраций, проведение которых не требовало бы никаких- административных согласований

Подобные меры широко используются в ряде зарубежных стран и не раз демонстрировали свою полезность. Пренебрегать этим опытом – себе дороже.

В серьезных новациях нуждается и сфера внешней политики. Все очевиднее становится необходимость более высокой степени урегулирования глобальных процессов. Это, прежде всего, предполагает укрепление роли и расширение функций международных институтов, а также совершенствование содержания и практики применения международного права. Опыт – как исторический, так и последнего времени – подтверждает, что только таким путем можно приблизиться к окончательному решению стоящей перед человечеством главной, жизненно важной задачи – всеобщей коллективной безопасности: военной, политической, экономической и культурной.

Поскольку цель эта не близка, начинать, видимо, придется с не терпящего отлагательств создания ее важнейшей составной части: нового экономического порядка, предполагающего повсеместное введение обязательных для исполнения международных регулирующих норм финансового, производственного и торгового поведения участников глобального рынка.

Решению рассмотренных выше задач могло бы способствовать дальнейшее закрепление усилий, направленных на возвращение России статуса общепризнанного и полноправного участника международных решений, влияющих на ход мировых событий. Это, в свою очередь, предполагает:

- упрочение международного доверия к России, к ее внешней политике в результате наращивания степени ее предсказуемости и решительного отказа от любых внешних проявлений великодержавной громогласности, хвастливости, нарочитой игры мускулами;

- поступательное сближение со странами, проявляющими готовность сотрудничать с Россией, имеющее целью создать вокруг нее дружественное окружение;

- дальнейшие инициативные шаги по стимулированию процесса разоружения;
- решительное противодействие, в соответствии с духом и буквой международного права, любым попыткам ущемить интересы России, будь-то экономическая, геополитическая или военная сфера;
- тщательный учет процессов глобализации и их использования для развития национальной экономики и улучшения условий существования населения;
- разработку государственной системной внешнеэкономической программы на обозримую перспективу, которая бы предусматривала, как оптимизацию объемов внешней и внутренней торговли по конкретным видам продукции, так и предпочтительную ориентацию товаропотоков;
- политическую защиту внешнеторговых интересов российских экспортеров и оказание ориентированным на экспорт производителям информационной поддержки, как внутри России, так и за рубежом.

При определении отношения России к глобализации важно исходить исключительно из соотношения возможных потерь и выгод. Закрываться от нее бессмысленно и бесполезно, тем более, что мы уже и так вползли в глобализационный процесс, - по крайней мере, местами. Но стоит ли без оглядки погружаться в море глобализации, не просчитав возможные варианты и их последствия? Не приведет ли это к серьезным потерям?

Следует ли ставить вопрос о возвращении России статуса сверхдержавы? Есть все основания ответить на этот вопрос решительным «нет». И дело тут не только в ограниченных материальных и психологических возможностях России. Дело еще и в том, что сам феномен сверхдержавы был чисто ситуационным, обусловленным, если говорить о второй половине XX века, расколом мира на две четко очерченные и жестко противостоящие друг другу общественные системы. В условиях такого противостояния неизбежно появление стран-лидеров, воспринимаемые как супердержавы. Исчезновение (или даже

смягчение) противостояния сделало сохранение супердержав не только излишним, но и малореальным.

Это хорошо видно на опыте Соединенных Штатов. Их стремление сохранить статус супердержавы в условиях, когда для этого не осталось объективных оснований, почти сразу выродилось в претензию на глобальное господство, которая, в свою очередь, противопоставила их большинству стран мира, втянула в военные авантюры, серьезно подорвало их международную репутацию и экономические устои. Теперь им приходится склеивать разбитую вдребезги «посуду».

России нужен не статус супердержавы, а уверенность в том, что она будет иметь возможность спокойно решать свои внутренние проблемы, открываясь по отношению к внешнему миру в такой степени, в какой это соответствует ее интересам. Будет ли она в этом случае рассматриваться как великая держава – существенного значения не имеет. Скорее всего, будет, учитывая ее размеры, возможности развития, интеллектуальный потенциал – особенно, если она найдет в себе силы положить конец разрушительному либерально-фундаменталистскому курсу в экономике и идеологически обусловленному самоедству.

Противники

Судьба перестройки убедительно свидетельствует насколько важно своевременно выявить тех, кто может оказать сопротивление намеченным переменам, и правильно определить их возможности и специфику поведения. Не случайно в военном деле приказы о наступлении обычно начинаются с описания и оценки сил, которыми располагает противник.

Разумеется, ориентация на коренную трансформация общественных структур не боевая операция. Тем не менее, при внимательном рассмотрении определенные элементы сходства обнаружить можно. Во всяком случае, выходя на «боевую тропу», неплохо иметь - хотя бы приблизительно - представление о возможных масштабах и формах сопротивления.

Очень важно при этом отличать реальные угрозы от мнимых. Иначе можно долго и упоенно бить в пустоту, не получая заметного результата. Склонность к этому, в частности, нередко проявляют наши крайние либералы. У них на генетическом уровне утвердилась аллергия к государству как таковому. Воспринимая его как нечто вроде гоголевского «Вия», они готовы взваливать на него ответственность за все беды. Отсюда и суть многих рекомендуемых ими рецептов: перекреститься и сказать государству «изыди»!

Эту склонность в очередной раз подтвердили, например, авторы получившего большую прессу доклада о модернизации, подготовленного близким президенту Институтом современного развития. В нем много и вдохновенно написано о том, какой благодатной страной станет в результате рекомендованной ими деятельности Россия. Но первый лозунг, которому должна следовать, добиваясь этого, власть, - «не мешать». В том числе «чрезмерным участием и отягощающей заботой». Ведь, согласно представлениям авторов доклада, «пока главным ограничителем развития является само государство».

Если бы все было так просто? Добиваешься модернизации? Хочешь инновационного развития? Нет проблем! Не препятствуй естественному ходу событий. Прекрати всякие усилия! Все, в конечном счете, встанет на свое место.

В реальной политической жизни ситуация выглядит по-иному. Если добиваешься перемен, надо действовать. А это значит использовать государственные рычаги, тем более, что в нынешних условиях их роль в общественной жизни возрастает.

Очевидно, что для осуществления реальных перемен необходима, прежде всего, энергичная и сплоченная команда. Ее, по всей вероятности, предстоит еще создать. Но одного этого, как свидетельствует опыт, мало. Требуются также поддержка, или хотя бы благожелательный нейтралитет основного ядра властвующей элиты. А с этим дело обстоит, мягко говоря, непросто.

Не будем детально вспоминать о том, как складывалась эта элита в девяностые годы. С тех пор произошло немало изменений. Острая конкурентная

борьба и неумолимое время подорвали влияние ее первоначального ядра - советской партийно-хозяйственной номенклатуры и скоробогачей - олигархов. Оттесненной на задний план оказалась и вынесенная в свое время на поверхность претенциозная интеллектуальная контрэлита. Начиная с «нулевых годов» нового века, освобождаемое ими место все более уверенно занимали, с одной стороны, вытесненные из силовых структур начальствующие и командные кадры, а, с другой - выходцы из выросшего и укрепившегося бизнеса.

Последние годы наметился возрастающий приток в ряды властвующей элиты представителей молодых, образованных поколений, имеющих более реалистические представления о проблемах, с которыми сталкиваются государство и общество. Пока, однако, их влияние не привело к заметным переменам.

В чем заинтересовано сейчас основное ядро властвующей элиты? Прежде всего, в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую как неизменность сложившихся отношений собственности и власти. Соответственно, любые установки, направленные на перемены, пусть даже сулящие позитивные результаты, не вызывают какого бы то ни было восторга.

Изменить эту позицию не только можно, но и нужно. Но для этого было бы полезным реализовать меры, которые бы обеспечивали властвующей элите гарантии, способные не только ослабить ее враждебность переменам, но и придать им приемлемый для нее характер. В противном случае можно ожидать неприятностей на первом же крутом повороте. Опыт (в том числе и перестройки) свидетельствует, что такие гарантии будут стоить стране и обществу существенно дешевле, чем потрясения, на которые может решиться недовольная переменами элита.

Аналогичные меры могли бы быть осуществлены по отношению к бюрократии, которой предстоит реализовать модернизационные импульсы, проступающие сверху.

Существующая у нас управленческая система, как уже отмечалось, коррумпирована и не мотивирована на положительные сдвиги. При этом она достаточно влиятельна, чтобы перекрыть многие каналы преобразований. Вместе с тем не следует и преувеличивать ее силы. В своей основе она не самостоятельна. Составляя «служилое сословие», она полностью зависит от «начальства» и достаточно гибка, чтобы своевременно повернуть туда, куда оно хочет. А если же содействие переменам подсластить материально, готовность служить перестанет быть условной. Главное для нее убедиться в том, что провозглашенные перемены задуманы всерьез.

Не просто будут складываться отношения с крупным капиталом. Массовое промышленное производство инерционно по своей сути. Его коренная переналадка требует существенных материальных затрат и усилий. Отсюда устойчивый консерватизм владельцев и руководителей такого производства, который сказывается также на отношении к общественным переменам. Это не позволяет исключать вероятности высокой степени сопротивления любым коренным новациям, даже тем, которые, вроде бы, не затрагивают непосредственные интересы этой группы. Свести его к минимуму можно только в том случае, если на государственном уровне будут созданы рычаги и стимулы, способные амортизировать потенциальные потрясения производства и общественной системы в целом в случае реализации новаций.

Крайне опасно игнорировать и то, что любая трансформационная деятельность чревата для капитала повышенным риском. Вкладывать деньги в проекты, которые, если и принесут прибыль, то не очень большую и не скоро, он не склонен. Отсюда его общеизвестная приверженность к краткосрочным инвестициям и финансовым играм. Достаточно вспомнить в этой связи как вели себя крупные банки (причем не только наши) в разгар самых острых кризисных потрясений, получив в качестве срочной помощи крупные государственные средства. О кредитах реальному производству и об инвестициях в инновационные сферы они напрочь забыли. И какая часть полученных субсидий осела тогда в индивидуальных карманах до сих пор не известно.

Вообще, интерес к поискам на трансформационном поле появляется у крупного капитала лишь на заключительных этапах - тогда, когда они завершаются появлением принципиально новой продукции, обладающей перспективами массового коммерческого спроса. Это же в полной мере относится к политическим переменам, чреватых сдвигами в сфере собственности и власти.

Придется, в частности, считаться с тем, что на первых порах интерес к новым поискам будут проявлять лишь инициативные бизнес-группы, занимающие маргинальные ниши. И именно от них следует ожидать поддержки трансформационных перемен общественного порядка.

Очевидно, что все усилия, направленные на преобразования, могут принести плоды лишь в том случае, если найдут серьезную поддержку в обществе. Правомерно ли, в сложившейся ситуации, рассчитывать на такую поддержку? Разумеется, отрицать такую возможность нельзя. Выше уже шла речь о растущей тяге к переменам. Но и преувеличивать эту возможность пока тоже рано.

Специалисты в области общественного сознания констатируют заметное падение того, что принято называть национальной пассионарностью. Не абсолютируя значимости этого явления, его, вместе с тем, нельзя и игнорировать.

Налицо также высокая степень неопределенности. Наше общество явно устало от проводимых над ним экспериментов. В нем сложилось стойкое представление, что инициативы, идущие сверху, приносят, в лучшем случае, «неустройство». Поддержкой ориентации на серьезную трансформацию власти сумеют заручиться лишь в том случае, если гражданам будет представлено убедительное свидетельство реальной готовности качественно модифицировать вектор движения.